

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ДИНАМИКА ЖИЗНЕННЫХ ПРИТЯЗАНИЙ МОЛОДЕЖИ И СТРАТЕГИЙ ИХ РЕСУРС- НОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: 1985–2001 гг.¹

В.С.Магун, М.В.Энговатов

ПРЕДМЕТ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Жизненные притязания молодежи и стратегии их реализации являются важным фактором ее социальной активности и в то же время индикатором фундаментальных перемен, происходящих в России и других странах бывшего Советского Союза. Настоящая статья посвящена анализу динамики притязаний и жизненных стратегий нескольких поколений российской и украинской молодежи, вступивших в раннюю юность в конце XX — начале XXI вв., в период революционных изменений в странах бывшего СССР.

Имеющиеся у человека потребности объединяются в определенные категории, внутри которых находятся потребности

---

¹ Авторы признательны А.Г.Вишневному, В.Е.Гимпельсону, Е.И.Головахе, Б.В.Дубину, С.В.Захарову, Е.Ю.Мещеркиной, Ю.Бернстайну (E.Burnstein) и Р.Добсону (R.Dobson) за комментарии и ценные советы.

близкие по содержанию, но различающиеся объемом требуемых благ и трудностью их достижения. В связи с этим и возник термин "притязания", относящийся к тем разновидностям родственных потребностей, которые человек самостоятельно, свободно для себя выбирает — в отличие от тех (как правило, меньших по объему требуемых благ и легче достижимых) потребностей, которые он вынужден принимать под давлением обстоятельств. Конкретную величину свободно выбранного человеком варианта потребности называют *уровнем притязаний*.

Данная трактовка близка к словарному определению, в соответствии с которым уровень притязаний рассматривается как "стандарт достижения, который индивид устанавливает для себя и которого он ожидает достичь. Термин может быть использован для обозначения всего, чего угодно, начиная от ожиданий индивида по поводу своих достижений при выполнении теста и кончая его представлениями о том общем жизненном положении, к которому он стремится"¹.

Выбор уровня притязаний сочетается обычно с выбором средств для их осуществления, т.е. с выбором личных *стратегий и тактик*. Ресурсы, на которые опираются эти стратегии и тактики, классифицируют по разным основаниям. Одним из них является субъект — носитель ресурсов. По этому основанию можно выделить стратегии, в которых ведущую роль играют затраты ресурсов (жертвы) самого индивида, и те, в которых ведущую роль играет использование активности и иных ресурсов, принадлежащих другим людям (человек часто воспринимает ресурсы, предоставленные окружающими, как содействие или помощь с их стороны)².

Эмпирически показано, что эти ресурсы могут по-разному сочетаться друг с другом. Если судить по статистическим сопоставлениям, то чаще один взаимоисключает другой, порождая стратегии, основанные либо на собственных жертвах индивида, либо на использовании ресурсов окружающих людей. Но указанные категории ресурсов могут и взаимно дополнять друг друга, и

¹ Theodorson G.A., Theodorson A.G. A Modern Dictionary of Sociology. N.Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1969. P. 17.

² Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л.: Наука, 1983. В современной социологической литературе наряду с понятием "ресурс" часто используют понятие "капитал" (см.: Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. Электронный журнал <www.ecsoc.msses.ru>).

тогда формируется третья группа стратегий, строящихся на одновременной мобилизации как собственных возможностей индивида, так и возможностей его социального окружения¹.

На основе этой классификации для данного исследования были выбраны показатели, характеризующие две категории ресурсов: ожидания молодых людей, касающиеся помощи со стороны окружающих (1), и готовности молодых людей идти на собственные жертвы, самим преодолевать трудности и лишения для достижения поставленных целей (2).

Недостаток процитированного выше словарного определения уровня притязаний, типичный, кстати, и для многих других определений данного понятия, — это как раз жесткая привязка притязаний только к одной категории ресурсов, а именно к активности самого индивида. Между тем и повседневный опыт каждого из нас, и научные факты свидетельствуют о том, что человек реализует свои потребности за счет не только собственной активности, но и иных ресурсов, принадлежащих, в частности, окружающим людям и другим социальным субъектам. Поэтому на основе притязаний у человека формируются не только цели для собственной деятельности, но и цели (или ожидания) в отношении активности окружающих. Соответственно, притязания человека — это то желаемое им положение вещей, которого он стремится или рассчитывает достичь за счет как собственных, так и внешних ресурсов.

Исследование, о котором пойдет речь, основано на данных четырех повторных опросов. Замысел и методический инструментарий первого из них был разработан Е.И.Головахой и В.С.Магуном². Этот первый опрос был проведен в 1985 г. (Киев), второй — в конце 1990 — начале 1991 гг. (Москва) и в 1992 г. (Киев), третий — в 1995 г. в столицах (Москва и Киев) и в провинциальных российских городах (Орел и Мценск³), чет-

¹ Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощью // Психологический журнал. 1991. № 6.

² Головаха Е.И., Магун В.С. Теоретические и методологические проблемы исследования // Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи / Под. ред. В.Л.Осовского. Киев: Наукова думка, 1987. С. 276–282; Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988; Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощью..

³ Орел — областной центр с населением 334 тыс. человек, Мценск — районный центр в Орловской области с населением 50 тыс. человек.

вертый — в 2001 г. в четырех упомянутых городах и в сельских районах Саратовской области. Объектами изучения каждый раз были 16–17-летние учащиеся выпускных классов обычных общеобразовательных школ (не включались в выборку школы с углубленным изучением иностранных языков или других предметов, гимназии, частные школы и т.п.). Сбор данных проводился методом группового анонимного анкетного опроса в школе (техника самозаполнения); как правило, в опросах одновременно участвовал школьный класс полным составом. Сохранив таким образом принципы формирования выборки и инструментарий опроса, мы имеем возможность сравнить жизненные притязания и стратегии четырех поколений российской и украинской молодежи.

Численность опрошенных (N): в 1985 г. в Киеве — 625 человек, в 1990–1991 гг. в Москве — 387 человек, в 1992 г. в Киеве — 205 человек, в 1995 г. в Киеве — 203 человека, в Москве — 200, в Орле — 208 и в Мценске — 186 человек, в 2001 г. в Киеве — 200, в Москве — 230, в Орле — 253, в Мценске — 219 и в сельских поселениях Саратовской области — 176 человек. В общей сложности были опрошены 3092 человека¹.

Анализ результатов трех серий исследования (1985 г., начала 1990-х годов и 1995 г.) опубликован. При сравнении первых двух серий опросов было установлено, что уже на начальном этапе периода быстрых социальных изменений, получившего название "перестройка", произошел *резкий рост притязаний* юношей и девушек, и заметно изменились их представления о способах воплощения этих притязаний в жизнь². Сопоставление материалов, полученных в 1995 г. в городах Москве, Орле, Мценске и

¹ Девушек среди опрошенных было несколько больше, чем юношей (54% против 46%). В выборках, локализованных в различных пространственно-временных точках, соотношение юношей и девушек было не всегда одинаковым. В данной статье различия между юношами и девушками специально не рассматриваются, но там, где они существенны для интерпретации, они контролировались.

О влиянии пола, возраста, образования, типа поселения и характера занятости на притязания молодежи см.: *Магун В.С., Энгватов М.В.* Жизненные притязания молодежи Самарской области // Молодежь Самарской области в 2002 году: Современное положение и тенденции развития / Под ред. В.Б.Звоновского. Самара, 2003. <http://www.isras.ru/files/extra/Zhiznennue_prityazaniya_molodezhi.pdf>.

² *Магун В.С., Литвинцева А.З.* Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М.: Институт социологии РАН, 1993.

Киеве, с двумя первыми сериями опросов продемонстрировало дальнейшее развитие тех же тенденций¹.

Спустя несколько лет после опубликования в 1993 г. наших выводов о резком повышении уровня потребительских и властных притязаний у молодежи, появилась серия публикаций Л.Д.Гудкова (одна из них в соавторстве с М.В.Пчелиной), свидетельствующих о росте денежных притязаний на протяжении 1993–1997 гг., причем в данном случае речь шла уже не о межпоколенческих изменениях, а главным образом об изменениях притязаний *одних и тех же* людей².

В статье Ю.Левады, опубликованной еще через несколько лет и тоже базирующейся на опросах ВЦИОМ, напротив, акцент сделан на ограниченности притязаний россиян и слова "человек ограниченный" даже вынесены в ее заглавие³. Хотя конкретные выводы Ю.Левады не противоречат выводу о "революции притязаний"

¹ Магун В.С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Под ред. Т.И.Заславской. М., 1996; *Он же*. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы // Социологический журнал. 1996. № 3/4; Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 / Под ред. В.С.Магуна. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998; A Revolution of Young People's Aspirations and Changes in Their Life Strategies, 1985–1995 // Russian Education and Society / Ed. V.Magun. 1999. Vol. 41. N 11; N 12; *Magun V.S.* The Changes in Aspirations and Life Strategies of Russian and Ukrainian Youth During the Revolutionary Decade: 1985–1995 // From Pacesetters to Dropouts: Post-Soviet Youth in Comparative Perspective / Ed. T.Horowitz, B.Kotik-Friedgut, St.Hoffman. University Press of America. Lanham et. al., 2003.

Реакция многих людей на эти публикации, свидетельствующие о резком росте притязаний, часто носила алармистский характер: "Бедные дети! Какое их ждет разочарование!" Конечно, риск разочарований и фрустраций является неизбежной платой за высокие притязания, но нам представляется, что как раз *недостаточная* амбициозность является сегодня серьезным тормозом индивидуального и общественного развития; пока у людей не будет высоких запросов и притязаний, не будет и высоких достижений.

² См: *Гудков Л.Д., Пчелина М.В.* Бедность и зависть: Негативный фон переходного общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 31–42; *Гудков Л.Д.* Показатели статусной неудовлетворенности и их динамика // Там же. 1996. № 6. С. 45–50; *Он же*. Русский неоконсерватизм // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т.И.Заславской. М., 1997.

³ *Левада Ю.А.* "Человек ограниченный": Уровни и рамки притязаний // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 4. С. 7–13.

заний", сделанному в публикациях по материалам нашего проекта, все же различие в акцентах очевидно. Возможно, причины этого частично связаны с характером эмпирического материала. Наши респонденты — это выпускники средних школ, и, как было показано в специальном исследовании, даже среди молодежи эта социальная категория отличается одним из самых высоких уровней притязаний¹. Кроме того, вывод о резком повышении уровня притязаний был сделан применительно к концу 1980-х — началу 1990-х годов, а в статье Ю.Левады рассматриваются в основном данные, начиная с 1997 г.

Теперь, благодаря материалам, собранным в 2001 г., мы имеем возможность продлить временной ряд сопоставлений и проследить *межпоколенные изменения притязаний и жизненных стратегий молодежи на протяжении более длительного периода (с 1985 по 2001 г.), который* рассматривается социальными учеными как период глубоких социальных трансформаций или социальной революции². Первый наш опрос (1985 г.) был проведен как раз в канун этих фундаментальных изменений (их старт связывается с приходом к власти М.С.Горбачева и периодом "перестройки"). Последняя же серия опросов (в 2001 г.) была проведена как раз после того, как, по мнению ряда наблюдателей, революционный период в России завершился, и с избранием В.Путина Россия вступила в постреволюционную фазу общественного развития.

Важнейшими экономическими событиями в период между опросами 1995 и 2001 гг. с точки зрения возможного влияния на уровень притязаний и представления молодежи о способах их реализации были острый финансовый кризис 1998 г., затронувший и Россию, и Украину, и начавшийся вслед за этим экономический рост (впервые после непрерывного спада, характерного для 1990-х годов).

Новизна данной публикации, по сравнению с предшествующими, не только в расширении временного диапазона до 2001 г. и включении в анализ еще одного поколения выпускников школ, но также и в изменении характера используемых показателей.

¹ Магун В.С., Энговатов М.В. Указ. соч.

² Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001; Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная революция в СССР. М.: ОГИ, 1998; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России 90-х: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Т. 1; 2001. Т. 2.

Акцент в данной статье будет сделан не на исходные частные показатели, взятые непосредственно из ответов респондентов на отдельные вопросы анкеты (они были основным предметом анализа в прежних публикациях), а на производные интегральные показатели, являющиеся результатом комбинирования ответов на несколько различных вопросов. Их преимущество состоит в том, что на их основе можно четче увидеть главные тенденции. Эти новые интегральные показатели позволят уточнить и некоторые ранее сделанные выводы, касающиеся динамики 1985–1995 гг.

Интегральные показатели, которые будут использованы в статье, — это индивидуальные значения респондентов по факторам ("факторные индексы"), полученные в результате трех факторных анализов — факторного анализа притязаний (1), готовностей к собственным жертвам (2) и ожиданий помощи со стороны (3). Первичные данные, собранные в 1985 г. в Киеве, к сожалению, не сохранились, и в отношении этого массива мы располагаем лишь распределениями ответов на вопросы анкеты. Поэтому данные 1985 г. в факторный анализ не могли быть включены, и факторные индексы используются только для сравнения между собой опросов, проведенных начиная с 1990–1992 гг. Для факторизации были отобраны ответы респондентов на те вопросы, которые начиная с 1990–1992 гг. присутствовали в анкетах на всех трех этапах исследования, давали достаточную межиндивидуальную вариацию и были сопоставимы в разных временных точках.

Для оценки значимости межгрупповых различий средних величин в статье используется однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Поскольку дисперсии сравниваемых групп, как правило, не равны, то в рамках этого анализа чаще всего применяется критерий Тамхена. Значимыми считаются различия, начиная с вероятности ошибки 0,05, хотя фактически, если различие оказывалось значимым, то вероятность ошибки была существенно ниже — менее 0,01 или 0,001. ANOVA является достаточно жесткой процедурой оценки значимости, и неудивительно, что не все описываемые в статье различия оказались статистически значимыми. Все же в пользу их надежности часто свидетельствует повторяемость этих отличий у разных категорий респондентов, в частности, повторяемость межпоколенной динамики притязаний и стратегий у молодежи, живущей в разных городах.

СТРУКТУРА И МЕЖПОКОЛЕННАЯ ДИНАМИКА УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ

Один из возможных способов классифицировать разнообразные притязания человека — рассмотреть их сквозь призму тех задач, которые решает индивид в различных сферах жизни: в труде, семейной жизни, культурной активности, потреблении и т.п. В соответствии с набором подобных задач у респондентов фиксировались *властные* притязания (желаемая должность), притязания на тот или иной *уровень материального положения* (зарплата, основное жилье, дача, автомобиль, общий уровень "богатства"), *уровень образовательного и культурного статуса* (уровень формального образования, размер домашней библиотеки), *уровень признания (престижа)*, а также ожидания (феномен не идентичный, но коррелирующий с притязаниями) в отношении *числа будущих детей*. Респондентам также задавали вопрос о желаемом *уровне общественного положения*, и этот компонент притязаний, по замыслу, должен был объединить в себе многие более частные притязания.

В специальных исследованиях показано, что уровень притязаний обычно колеблется в определенном диапазоне¹. Учитывая данное обстоятельство, мы сформулировали вопросы так, чтобы актуализировать в сознании людей потребности, лежащие ближе к *нижней* границе диапазона: во всех случаях респондента спрашивали о том, что он счел бы *достаточным* для себя. Такого рода притязания, по-видимому, более реалистичны, и главное — человек тверже их отстаивает, борется за их воплощение в жизнь активнее, чем за осуществление своих более амбициозных устремлений.

Для сообщения о своих притязаниях респондентам, как правило, предлагались наборы "закрытий". Например, на вопрос: "Какую должность Вы сочли бы для себя в будущем достаточной?" имелись следующие варианты ответов: 1 — рядовой работник; 2 — руководитель небольшого подразделения (бригадир, руководитель группы и т.п.); 3 — руководитель крупного подразделения на предприятии, в учреждении (начальник цеха, заведующий отделом); 4 — руководитель предприятия, учреждения; 5 — руко-

¹ Lewin K., Dembo T., Festinger L. Level of Aspiration // Personality and the Behavior Disorders / Ed. J. McV. Hunt. N.Y.: The Ronald Press, 1944 (фрагмент из этого текста на русском языке см: Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс Р. Уровень притязаний // Психология личности. Тексты. М.: Изд-во Московского университета, 1982); Нюттен Ж. Мотивация // Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1975. Вып. 5.

водитель более высоких звеньев управления. Выбор того или иного варианта и характеризовал *уровень притязаний* респондента. Во всех этих случаях мы имеем дело как минимум с ранговыми шкалами, но в некоторых видах анализа мы принимаем допущение, что различия между соседними вариантами подобных ответов одинаковы, и описываются метрической шкалой. Это допущение необходимо для того, чтобы можно было использовать более широкий диапазон инструментов статистического анализа — средние величины, факторный анализ и др.

Конечно, не все молодые люди точно знают, какую должность они планируют занять или какую дачу построить. Однако для изучения уровня притязаний это обстоятельство не является помехой, ибо известно, что в ситуации неопределенности человек порой даже более открыто выражает свои глубинные психологические свойства, чем в условиях полной ясности. Поэтому не обязательно приписывать ответам респондентов буквальный смысл. Юноша, заявляющий, что хочет стать руководителем предприятия, может и не знать в деталях, что это за работа, и уж тем более нет гарантии, что он соответствующую должность действительно займет. Но подобный ответ указывает на то, что должностные притязания данного респондента достаточно высоки.

При интерпретации полученных данных мы исходим из следующих довольно простых представлений о механизмах формирования уровня притязаний. Во-первых, для формирования уровня притязаний необходимо само знание человека о тех желаемых благах, которые вообще могут стать предметом его устремлений. Во-вторых, превращение образа того или иного блага в действующий уровень притязаний включает процесс соотнесения этого образа с представлениями о ресурсах (возможностях) достижения данного блага и о тех ограничениях (барьерах, ценах), которые достижению препятствуют. В-третьих, все эти процессы происходят под контролем социальных норм, разрешающих, запрещающих или предписывающих тот или иной уровень притязаний, те или иные средства его достижения, а также процедуры его принятия человеком (в частности, необходимость соотнесения притязаний с ресурсами и ограничениями).

Для начала рассмотрим межпоколенную динамику некоторых частных показателей уровня притязаний.

На рисунке 1 показана динамика ответов на вопрос о должностных притязаниях (для демонстрации основных тенденций

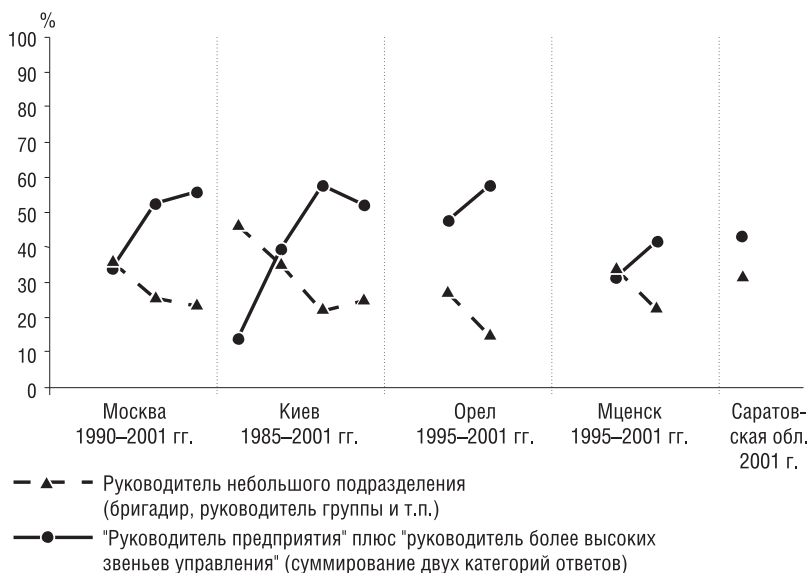

Рис. 1. Межпоколенная динамика ответов на вопрос: "Какую должность Вы сочли бы для себя в будущем достаточной?" (1985–2001 гг., в %)

мы ограничились тремя вариантами ответов из пяти). Как отмечалось ранее, с 1985 по 1995 г. эти притязания очень резко повысились: на графике видно, что и в Киеве, и в Москве доля ответов, указывающих на желание юношей и девушек занять две наиболее высокие позиции в должностной иерархии, значительно выросла¹, а желание стать руководителем небольшого коллектива, т.е. занять самую низшую из руководящих должностей, стало за эти годы гораздо менее популярным. (По обоим городам разли-

¹ Во всех случаях приводятся доли от числа респондентов, ответивших на вопрос. Доля не ответивших на вопрос обычно не превышает 2-3%. Формулировки вопросов сохраняются в анкете неизменными с 1985 г., т.е. с советских времен, поэтому в вопросе о достаточной должности нет речи о том, хочет ли человек быть собственником того предприятия, должность на котором он будет занимать. Но неудивительно, что в 1990-е годы ответы на вопрос о должности и желание начать свой бизнес оказались тесно связаны: чем выше должностные притязания, тем чаще респонденты говорят, что их привлекает возможность создать свое дело, быть его хозяином. Из числа тех, кто хочет руководить предприятием или быть руководителем более высоких звеньев управления, предпочитают быть хозяином, а не наемным работником более 80% респондентов (данные опросов 1995 и 2001 гг.).

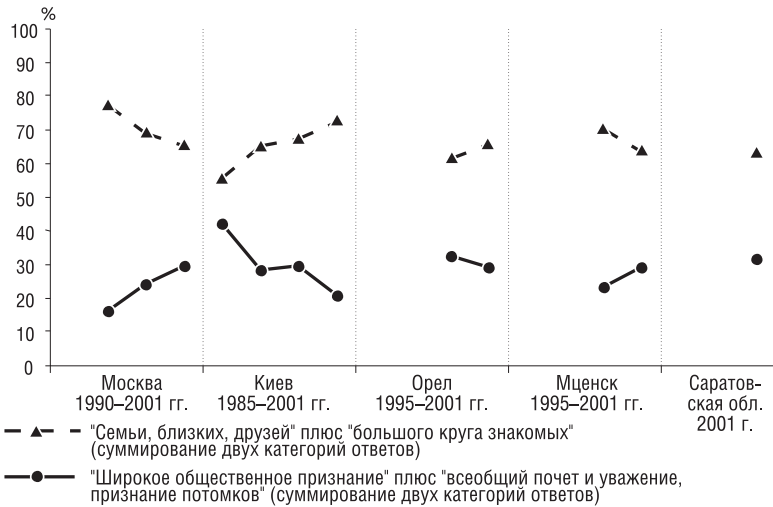

Рис. 2. Межпоколенная динамика ответов на вопрос: "Чье признание и уважение Вы сочли бы для себя достаточным в будущем?" (1985–2001 гг., в %)

чия между опросами 1990–1992 гг. и 1995 гг. в отношении двух наиболее высоких позиций, а также в отношении "руководителя небольшого коллектива" статистически значимы.) Что произошло на последнем этапе — после 1995 г.? Как видно из рисунка, и в Киеве, и в Москве, в отличие от предыдущего периода, изменения очень небольшие, причем в Киеве — в сторону снижения притязаний. В Орле и Мценске с 1995 по 2001 г. изменения более заметны и направлены в сторону повышения притязаний. Но, как и в столичных городах, эти изменения статистически незначимы¹.

Притязания, касающиеся *уважения и признания*, также были предметом изучения во всех четырех опросах. Как видно из рисунка 2, динамика этих притязаний в разных городах не одинакова. В Киеве, начиная с 1985 г., почти все время снижается доля тех, кто стремится к публичному признанию ("широкому общественному признанию" и "всеобщему почету и уважению, признанию потомков"), и, наоборот, растет доля тех, кто готов ограничиться признанием и уважением в приватной сфере (со стороны "семьи, близких, друзей" и "большого круга знакомых"). Мы объясняли эту тенденцию разрушением старой советской системы общественного

¹ В дальнейшем тексте, если специальные упоминания о статистической значимости отсутствуют, то это указывает на то, что различия незначимы.

признания в ходе радикальных социальных трансформаций постсоветских обществ, а также общей переориентацией системы ценностных доминант с публичной на приватную сферу¹.

Первый опрос *московских* старшеклассников был проведен в 1990–1991 гг., и если сравнить его результаты с данными 1985 г. по Киеву (допустив, что они мало в то время отличались от московских), то получается, что в первые годы социальных трансформаций, т.е. в период "перестройки", в Москве, как и в Киеве, притязания на публичное признание снижались, и росла готовность ограничиться более скромными формами признания со стороны семьи, друзей и знакомых. После же 1990–1991 гг. притязания *московских* старшеклассников на признание и уважение имеют иную динамику: публичное признание неуклонно набирает популярность, а готовность ограничиться приватным признанием, наоборот, снижается (различия между 1990–1991 и 2001 гг. в Москве по обеим группам ответов статистически значимы). Таким образом, судя по этим данным, у московских старшеклассников на протяжении 1990-х годов притязания на социальное признание росли, что, скорее всего, объясняется утверждением в постсоветском российском обществе новой системы социальных эталонов и оценок.

Переходим теперь к сфере потребления. Начнем с "*жилищных*" притязаний. Отвечая на вопрос: "Какие жилищные условия Вы считаете достаточными для Вашей будущей семьи?" респонденты указывали *число комнат в квартире или в доме и ожидаемый размер будущей семьи*, для которой эти комнаты предназначены. Конечно, спрашивая о числе комнат, мы получали лишь самое грубое представление об уровне "жилищных" притязаний молодежи. Тем не менее этот простой индикатор оказался достаточно информативным и чувствительным.

Во всех рассматриваемых группах во все годы ожидаемое число членов семьи приблизительно равнялось четырем (респондент, его брачный партнер и двое детей²). Что же касается доста-

¹ *Магун В.С.* Ценностный реванш в современном российском обществе // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под ред. Т.И.Заславской, Л.А.Арутюнян. М., 1994; *Magun V.* Labor Culture // Russian Culture in Transition: Paradoxes of Postcommunist Consciousness. Boulder, Co.: Westview Press, 1996.

² Если быть точными, то число ожидаемых детей колебалось от 1,7 (Киев, 2001 г.) до 2,0 (Москва, 1990–1991 гг.).

Таблица 1
 "Достаточное" число комнат (1985–2001 гг., значения средних*)

	1985 г.	1990–1992 гг.	1995 г.	2001 г.
Москва	–	4,2	4,5	4,2
Киев	3,2	4,9	5,0	4,4
Орел	–	–	5,2	5,0
Мценск	–	–	4,8	4,4
Саратовская обл.	–	–	–	4,4
Четыре города	–	–	4,9	4,5

* Численность опрошенных в каждой группе указана выше (с. 182); ошибки средних не превышают 0,14.

точного числа комнат, то оно менялось. Если в 1985 г. достаточное число комнат приблизительно равнялось трем, то начиная с 1990 г. оно ни в одном поселении не опускалось ниже четырех (табл. 1)¹.

Число комнат в жилище — это наглядное, хорошо понятное благо для каждого современного человека. Опыт пребывания в том или ином жилище есть у каждого из наших молодых респондентов, следовательно, этот вид притязаний — один из наиболее естественных, в наименьшей степени навязываемых молодому человеку самой процедурой опроса. Поэтому прибавление от одной до двух комнат в притязаниях юношей и девушек с 1985 по 1995 г. — одно из наиболее ярких проявлений "революции притязаний", произошедшей в этот период в России и Украине. Причем в конце 1980-х годов была преодолена важная граница: если в 1985 г. "достаточное" число комнат соответствовало официальной норме советских лет "число членов семьи минус 1", то в 1990–1995 гг. *число комнат сначала сравнялось (Москва, 1990–1991 гг.) с числом членов семьи, а потом на единицу превысило это число (Киев, 1992 г., Киев, Орел и Мценск, 1995 г.)*. Иными словами, люди стали более требовательны к важнейшему элементу повседневной жизненной среды и поменяли сам принцип подхода к определению желаемого размера жилья.

¹ Цифры в таблице 1 несколько ниже тех, что приводились в более ранних публикациях по данному проекту. Это объясняется тем, что готовя данную публикацию мы исключили из рассмотрения "выбывающиеся" значения, превышающие десять комнат. Всего было исключено 2,5% ответов.

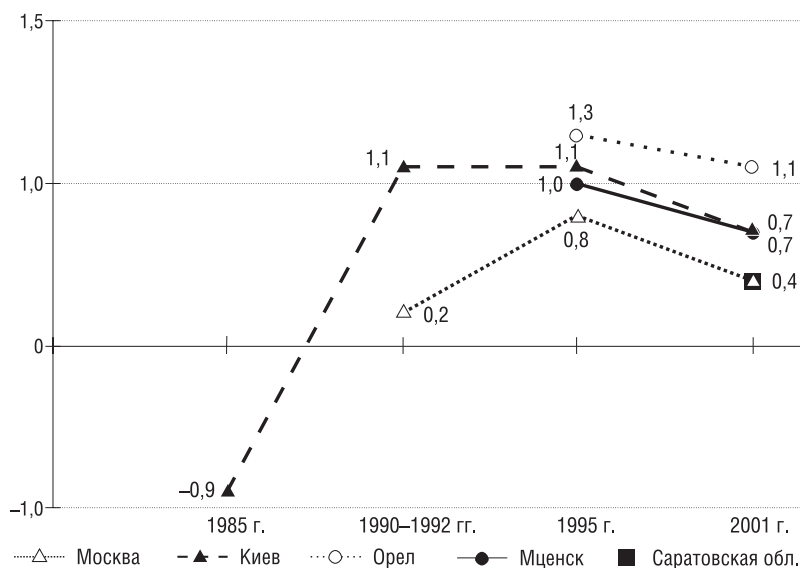

Рис. 3. Межпоколенная динамика индекса "достаточное число комнат минус ожидаемое число членов семьи", средние значения (1985–2001 гг.)

После 1995 г. динамика этого важного показателя изменилась: во всех четырех городах, по которым мы располагаем сравнительными данными за 1995 и 2001 гг., произошло *снижение* среднего числа комнат, которое респонденту представляется достаточным (см. табл. 1; для объединенного массива четырех городов это снижение статистически значимо). Таким образом, здесь ситуация похожа на ту, которую мы наблюдали в отношении жилищных притязаний в Киеве, с той лишь разницей, что снижение жилищных притязаний имеет более явный и универсальный характер.

Снизилась и значения разности между числом комнат и числом членов семьи (рис. 3). Но важно отметить, что и в 2001 г. в каждом из пяти рассматриваемых поселений среднее число комнат *превышает* среднее число членов семьи (превышение колеблется от 0,4 до 1,1). Это означает, что по-прежнему действует принципиально иной, по сравнению с советскими временами, подход к формированию жилищных притязаний, и некоторое их снижение с 1995 по 2001 г. не означает возврата к стандартам советского времени.

В качестве второго компонента жилищных притязаний рассматривались планы приобретения *садового участка и дачи* ("вто-

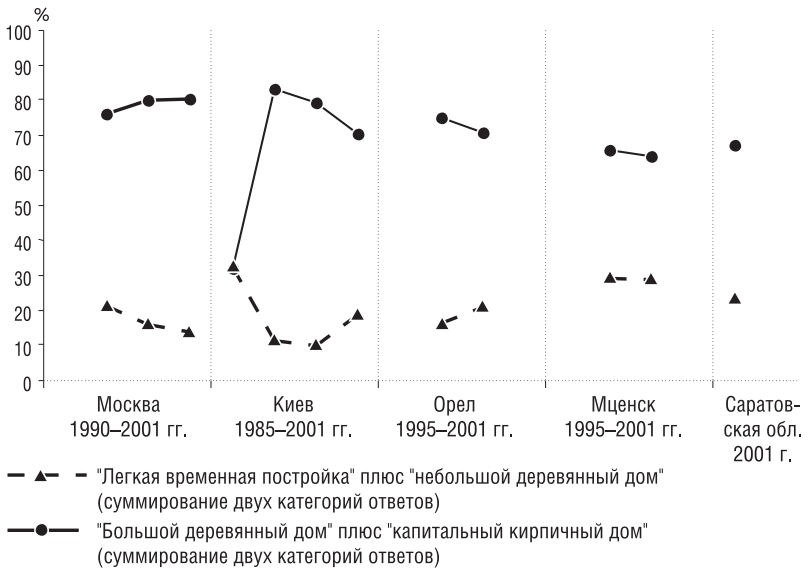

Рис. 4. Межпоколенная динамика ответов на вопрос: "Если Вы предполагаете иметь для себя и своей будущей семьи садовый участок, то какая постройка (дача) на нем была бы для Вас достаточна?" (1985–2001 гг., в %)

рого жилища"). Вопрос в анкете звучал так: "Если Вы предполагаете в будущем иметь для себя и своей будущей семьи садовый участок, то какая постройка (дача) на нем была бы для Вас достаточна?" Варианты ответов: 1 — не предполагаю иметь участка; 2 — легкая временная постройка ("временка"); 3 — небольшой деревянный дом; 4 — большой деревянный дом; 5 — капитальный кирпичный дом (рис. 4).

Как и в других притязаниях, в запросах, относящихся к даче, резкий сдвиг вверх произошел к началу 1990-х годов: прежде всего сильно уменьшилась доля тех, кто вообще не планировал иметь земельный участок и загородный дом; уменьшилась также популярность "небольшого деревянного дома" и резко возросла частота выбора наиболее качественных домов — "большого деревянного" и "капитального кирпичного". На рисунке 4, где ответы сгруппированы в две укрупненные категории (относящиеся к наименее и наиболее качественным постройкам), прежде всего бросается в глаза самый длинный отрезок прямой. Он относится к данным, полученным в Киеве, и отражает взлет популярности двух наиболее

качественных вариантов домов уже на начальном этапе социальной трансформации советского общества (с 1985 по 1992 г.).

Как видно из графиков, приведенных на рисунке, все последующие изменения несопоставимы по своему масштабу с тем, что произошло в самом начале. Что же касается последнего наблюдаемого периода (от 1995 к 2001 г.), то он характеризуется некоторым снижением уровня притязаний во всех четырех городах.

Каждый вид притязаний, который мы измеряли и анализировали, имеет свою специфику, но естественно ожидать, что притязания взаимосвязаны. В таком случае и динамику их изменений можно регистрировать не по каждому виду притязаний в отдельности, а по их интегральным характеристикам (индексам).

Для построения интегральных показателей притязаний мы воспользовались методом факторного анализа, который на первом этапе определяет структуру исходных признаков и их взаимосвязи, а затем на основе этих взаимосвязей формирует интегральные (факторные) индексы. Факторному анализу были подвергнуты шесть показателей, характеризующие притязания респондентов на определенную должность, уровень творческой работы¹, уровень социального признания, размер будущего жилища и тип дачи, а также ожидания, касающиеся числа будущих детей². В массиве, объединяющем всех респондентов, опрошенных с 1990 по 2001 г., все эти притязания образовали два фактора³ (табл. 2).

В *первый из факторов* с одинаковыми по знаку и не слишком различающимися по абсолютной величине весами⁴ входят все показатели притязаний, и его можно интерпретировать как *общий (или генеральный) фактор высоких притязаний*: чем выше

¹ Соответствующий вопрос звучал так: "В будущем Вас вполне устроил бы труд, который требует от работника...", можно было выбрать один из пяти ответов: от "выполнения хорошо освоенных приемов и правил, чтобы не тратить время на самостоятельный поиск новых решений" (балл 1) до "поиска исключительно новых решений, полной самостоятельности в выполнении своей работы" (балл 5).

² Соответствующий вопрос звучал так: "Как Вы думаете, сколько у Вас будет детей?" Строго говоря, он характеризует ожидания, а не притязания респондентов, но в данном случае эти две характеристики, скорее всего, тесно связаны между собой и поэтому можно рассматривать ответ на указанный вопрос как приблизительную оценку притязаний.

³ Применялся общепринятый критерий для определения числа факторов — их собственное число должно быть больше 1.

⁴ Факторный вес ожидаемого числа детей несколько ниже, чем у остальных показателей; возможно, это как раз и связано с иной модальностью вопроса.

Таблица 2

Факторная структура показателей уровня притязаний у респондентов, опрошенных в 1990–2001 гг. (Москва, Киев, Орел, Мценск, Саратовская область, N= 2467 человек)

Показатели уровня притязаний	I фактор	II фактор
Достаточная должность	0,71	–0,25
Приемлемый уровень творческой работы	0,56	–0,23
Достаточная постройка на дачном участке	0,41	–0,18
Достаточное признание и уважение	0,50	–0,15
Достаточное число комнат	0,61	0,41
Предполагаемое число детей	0,24	0,86
Информативность факторов	28%	18%

индивидуальные значения респондентов по данному фактору, тем выше все шесть показателей притязаний, входящие в данный фактор. Это значит, что все признаки — в той мере, в какой за них отвечает данный фактор — ведут себя одинаково: рост или снижение одного из видов притязаний сопровождается, соответственно, ростом или снижением всех остальных. Значит, анализ интегрального индекса, образованного на основе этого фактора, способен заменить анализ шести отдельных показателей в той их части, которая описывается данным фактором.

Второй фактор — биполярный: два показателя (ожидаемое число детей и притязания на размер будущего жилья) входят в него с положительными знаками, а четыре остальных — с отрицательными. По абсолютным величинам нагрузки различных признаков сильно отличаются: доминируют веса признаков, характеризующих число ожидаемых детей и размер основного жилища, значительно меньшие веса у признаков, связанных с притязаниями в сфере труда и общественного признания. Этот второй фактор можно интерпретировать как *параметр высоких притязаний в семейной сфере с тенденцией к взаимно-обратным отношениям с притязаниями в сфере труда* (именно с тенденцией, поскольку эта вторая группа показателей имеет значительно меньшие веса)¹.

¹ Мы предположили, что высокие значения по этому фактору чаще характерны для девушек, а низкие — для юношей, что соответствовало бы социальным стереотипам в отношении этих двух гендерных групп. Но это предположение не подтвердилось.

По обоим обнаруженным факторам респондентам были приписаны индивидуальные значения, и таким образом каждый из опрошенных получил индивидуальную оценку по каждому их двух интегральных параметров. Это дает возможность проследить динамику данных интегральных параметров за интересующие нас годы. Как уже говорилось, преимущество подобного анализа состоит в том, что он в какой-то мере заменяет анализ множества отдельных показателей, "собранных" в соответствующие индексы.

На рисунке 5 показана динамика *общего (генерального) фактора притязаний* в 1990–2001 гг. в отдельных городах. Как видим, на протяжении первой половины 1990-х годов общий уровень притязаний старшеклассников значительно вырос, причем в Москве этот рост был статистически значим. Данный рост был описан в предшествующих публикациях, где фигурировали тогда еще не факторные индексы, а наблюдения за динамикой отдельных показателей притязаний. Новыми же на рисунке 5 являются тенденции второй половины 1990-х годов, и они, как видим, отличаются от того подъема, который был характерен для 1985–1995 гг. Динамика изменений в 1995–2001 гг. в разных городах совпала не полностью, но *ни в одном из них не наблюдалось статистически значимого роста обобщенного фактора притязаний*. В Киеве средний индекс обобщенного уровня притязаний резко (и статистически значимо) снизился, а в трех остальных городах изменения оказались очень невелики и статистически незначимы.

Таким образом, с 1995 по 2001 гг. роста обобщенного индекса притязаний не наблюдалось, а в отдельных географических точках имело место даже его снижение. Само по себе отсутствие динамики не заслуживало бы, возможно, специального внимания, если бы не контраст с десятью предшествующими годами, на протяжении которых притязания юношей и девушек неуклонно росли. Налицо смена тенденций: рост уровня притязаний, наблюдавшийся с конца 1980-х годов, сменился консервацией или даже снижением достигнутого уровня.

Первоначальный взлет уровня притязаний объясняется изменениями, произошедшими в конце 1980-х — начале 1990-х годов в социально-культурных, экономических и политических основах жизни бывшего советского общества. На основе этих изменений, поначалу достаточно ограниченных, возникло общее настроение социального оптимизма (и даже эйфории) в отношении возможностей нового общественного строя, который

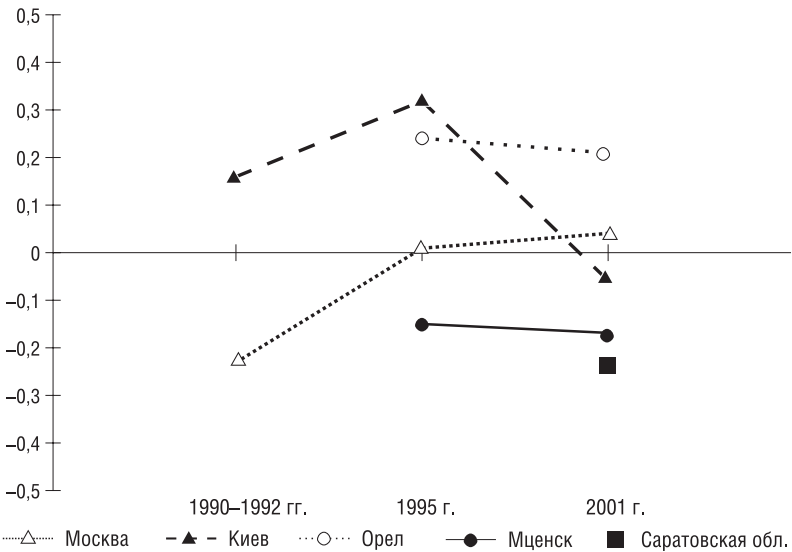

Рис. 5. Генеральный индекс притязаний (средние значения первого фактора, 1990–2001 гг.)

должен был прийти на смену государственному социализму¹. Представления о новом общественном устройстве формировались под влиянием описанного в психологии "принципа удовольствия". Важнейшей составляющей этих представлений был более высокий, чем при социализме, уровень возможных жизненных результатов и логически дополняющая его бóльшая легкость их достижения.

Конкретные социальные механизмы, обеспечившие повышение уровня притязаний, были связаны со снятием барьеров на пути движения информации, людей и товаров между развитыми капиталистическими странами и бывшим Советским Союзом. Российским и украинским гражданам открылось и стало для них *референтным* новое, "западное", пространство с более высокими стандартами достижений, уровня и качества жизни. Эти новые образцы, сначала доступные только через средства массовой

¹ Обратим внимание, что бурный рост притязаний происходил уже в конце 1980-х годов, т.е. предшествовал августовской революции 1991 г. Это, кстати, согласуется с идеей Дж.Дэвиса о том, что рост притязаний является необходимой предпосылкой социальной революции (См.: *Davies J. C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review, 1962. Vol. 27. P. 5–19*).

коммуникации, постепенно начали проникать и на территорию бывшего Советского Союза и воздействовать на людей, становясь элементами их повседневной среды обитания, как, например, товары, лежащие на прилавке магазина, или иностранные автомобили, движущиеся по городским улицам. Уже не на Западе, а в его собственной стране и в собственном городе начали формироваться новые социальные группы, становившиеся для человека референтными¹. При этом *цены*, которые платили за достижение этих благ люди, являвшиеся объектом подражания, т.е. неотделимые от соответствующих благ трудовые и иные затраты, первоначально оставались скрытыми, что вообще характерно для восприятия людьми чужих затрат².

Одновременно возникали новые ресурсы, способствовавшие реализации этих новых уровней достижения, и снимались

¹ Для иллюстрации этих новых реалий достаточно перечислить хотя бы некоторые слова, вошедшие в российский повседневный словарь в те годы: йогурт, доллар, евроремонт, виза, "Вольво" и др.

Как правило, притязания юношей и девушек дают в нашей выборке положительные корреляции с соответствующими характеристиками родительских семей. Но все же для формирования новых потребительских притязаний детей вовсе не было необходимо прямое влияние уровня жизни родителей. Например, доля садовых участков и дач у родителей наших подростков заметно повысилась в промежутке с 1985 по 1992 г.: в Киеве в 1985 г. участки и дачи были у 28% семей, а в 1992 г. — у 59%. И притязания детей тоже выросли, но гораздо более резко (см. рис. 4). А вот в распространенности реального владения автомобилями в конце 1980-х годов скачка не произошло (сдвиг наблюдался позже, в первой половине 1990-х годов, когда доля семей, имеющих автомобили, выросла в киевской выборке с 34 до 46%, а в московской — с 36 до 53%). Между тем, притязания на владение автомобилем резко выросли уже к началу 1990-х годов, когда почти все юные москвичи и киевляне заявили, что хотя в будущем иметь машину (см.: Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи. С. 20). Эти факты наглядно подтверждают вывод о том, что референтными при формировании притязаний молодежи были не столько родительские семьи, сколько более отдаленные социальные общности — "западные", а потом и отечественные, о которых мы только что упоминали. Это, в свою очередь, позволяет понять парадоксальную ситуацию взлета уровня притязаний молодежи в тот самый период, когда жизнь многих семей ухудшалась.

² В уже упоминавшейся статье Ю.Левада отмечает, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов советским и постсоветским обывателям стали доступны "витрина" и "прилавок" сегодняшней западной цивилизации, но не ее "кухня" и "фабрика" (см.: *Левада Ю.А. "Человек ограниченный": Уровни и рамки притязаний. С. 12*). Кухня и фабрика — это как раз те места, где совершаются основные затраты ресурсов и, фигурально выражаясь, проливаются невидимые миру слезы.

многие социальные ограничения, данным достижениям препятствовавшие (запрет на предпринимательство, ограничения товарно-денежных обменов, свободы выезда за границу и других видов территориальной и социальной мобильности, свободы слова и политической деятельности и т.п.). Все это составные части процессов разрушения тоталитаризма и освобождения личности, происходивших в бывшем Советском Союзе с 1985 г. и повлиявших на процесс социализации поколений юношей и девушек, оканчивавших среднюю школу в начале и в середине 1990-х годов.

Формировались и новые социальные нормы, *предписывающие* высокий уровень притязаний. Так, в 2001 г. подавляющее большинство (более 85%) опрошенных нами выпускников школ соглашались с тем, что "всегда надо стремиться к большему: чем выше ставишь для себя планку, тем большего достигнешь в жизни и больше получишь от нее". Скорее всего, массовое распространение этой и подобных норм можно отнести к тому же периоду конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда происходил общий идеологический поворот в бывшем советском обществе, и влияние этих социальных норм было еще одной причиной описанного выше роста притязаний.

Стагнация уровня притязаний молодежи, наступившая во второй половине 1990-х годов, а частично даже его снижение, может быть понята в рамках того же подхода, что был использован для объяснения его предшествующего роста.

Можно предположить, что представления молодежи об абстрактно возможных уровнях достижений изменились мало, но что изменениям подверглись представления о процессе воплощения этих притязаний в жизнь. Первоначальный всплеск общественных ожиданий и идея богатства возможностей, открываемых новым общественным строем, постепенно дополнялись более трезвым осознанием ранее скрытых барьеров и цен, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов. Сформировалось мнение о гораздо более медленной, чем ожидалось, скорости позитивных социальных изменений. В связи с этим характерно название одной из последних статей выдающегося российского социолога Л.Гордона — "Времена и сроки демократических перемен: тяжкая медлительность исторического движения"¹.

¹ Гордон Л.А. Времена и сроки демократических перемен: Тяжкая медлительность исторического движения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 5.

Подобное изменение общественных настроений, прямо или косвенно отразившееся и в изменениях сознания молодежи, происходило под влиянием огромного числа больших и малых событий, важнейшим из них был финансовый кризис 1998 г., заставивший как элиты, так и массовые слои населения в России и Украине остро осознать упомянутые барьеры и ограничения. Труднее преодолимыми ко второй половине 1990-х годов стали выглядеть и границы между разными социальными стратами.

В то же время важно со всей определенностью подчеркнуть, что возврата к уровню притязаний, который был характерен для поколения, опрошенного в 1985 г., не произошло. Даже более умеренные притязания образца 2001 г. резко превосходят те, которые были присущи "доперестроечной" молодежи. Об этом наглядно свидетельствует динамика отдельных видов притязаний молодых киевлян и москвичей, представление о которой дает рисунок 6.

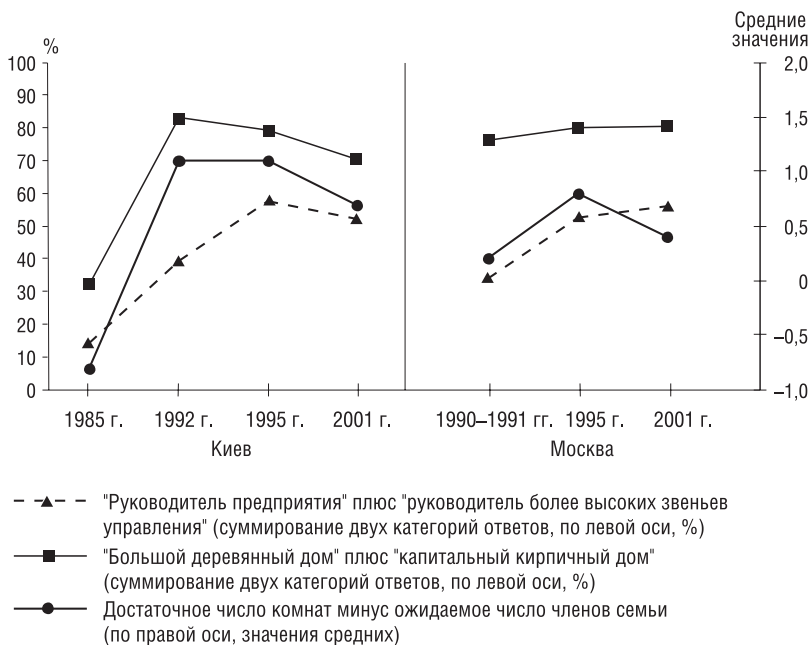

Рис. 6. Межпоколенная динамика притязаний на должность, загородный дом и размер основного жилища в Киеве и Москве (1985–2001 гг.)

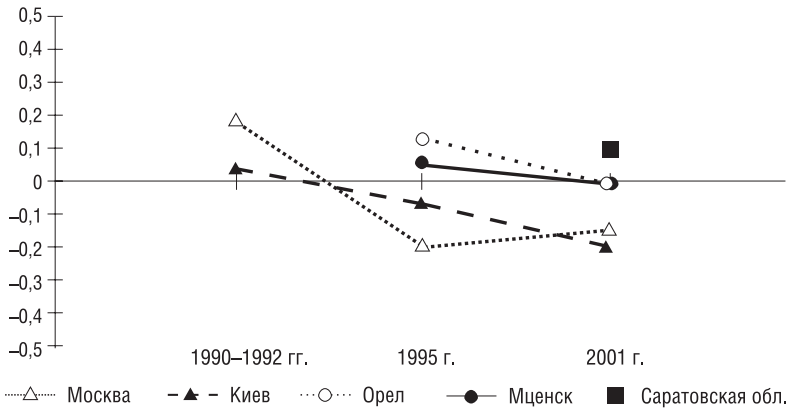

Рис. 7. Фактор высоких притязаний в сфере семьи (средние значения, 1990–2001 гг.)

Как уже говорилось, наряду с основной, наиболее явной, системой взаимосвязей между различными показателями притязаний, воплощенной в первом факторе, есть и взаимосвязи "второго плана", воплощенные в описанном выше втором факторе. На рисунке 7 изображена динамика этого второго интегрального индекса притязаний. Напомним, что с увеличением его значений растут притязания, связанные с числом детей и размером жилья, и, наоборот, несколько снижаются притязания, касающиеся должности, а также уровня содержательности и творческой труда.

Итоговая (с 1990–1992 по 2001 г.) динамика значений этого фактора в Москве и Киеве указывает на снижение жилищно-семейных притязаний и сопровождающий его некоторый рост притязаний в сфере труда (различия по Москве статистически значимы: 1990–1991 гг. значимо отличается от 1995 и 2001 гг.). Таково же направление динамики в Орле и Мценске.

Причины этого снижения, по-видимому, те же, что и снижения генерального индекса притязаний. Но в данном случае они касаются наиболее дорогого и труднодоступного блага, каким является жилье, с которым, в свою очередь, связан процесс создания собственной семьи. В Москве, где жилье особенно дорого, снижение соответствующих притязаний резко проявилось уже в первой половине 1990-х годов. Поскольку речь идет о тенденции "второго плана", то при анализе отдельных, не расщепленных в процессе факторного анализа показателей, она была незаметна, замаскиро-

вана генеральной тенденцией общего роста притязаний, воплощенной в динамике первого фактора. То, что снижение притязаний, касающихся дорогих благ, сопровождается некоторым повышением трудовых притязаний вполне объяснимо. Возможно, молодые люди откладывают приобретение дорогих благ, предпочитая прежде сосредоточиться на трудовых достижениях, которые позволят накопить соответствующие ресурсы.

СТРУКТУРА И МЕЖПОКОЛЕННАЯ ДИНАМИКА ГОТОВНОСТЕЙ К СОБСТВЕННЫМ ЖЕРТВАМ И УСИЛИЯМ

Чтобы оценить готовность молодых людей к собственным жертвам и усилиям, им была предложена серия вопросов о том, согласятся ли они ради осуществления своих жизненных планов разлучаться с семьей, выполнять физически тяжелую или вредную, или монотонную работу, трудиться в условиях сурового климата, жертвовать своим свободным временем, выполнять работу, связанную с опасностью для жизни, усердно учиться в "трудном" институте, переучиваться и осваивать новую профессию и т.п. С каждым из перечисленных действий можно было согласиться или не согласиться, для чего предлагалось три варианта ответов: "скорее нет" (несогласие на трудности и жертвы, оцениваемое баллом "1"), "трудно сказать" (полусогласие—полунесогласие, оцениваемое баллом "2") и "скорее да" (согласие, оцениваемое баллом "3").

Основываясь на данных начала и середины 1990-х годов, один из авторов данной статьи сформулировал представление о двух типах жертв: первый из них был условно назван "стратегией уступок в качестве жизни", а второй — "стратегией накопления высокой квалификации (человеческого капитала)"¹.

Между различными типами жертв есть заметные отличия в готовности респондентов идти на них. Когда от учащихся требуют того, что мы условно назвали "уступками в качестве жизни", то они выражают минимальную готовность к преодолению по-

¹ Магун В.С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. // Куда идет Россия?.. 1996; *Он же*. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи 1985–1995 гг. // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы.

добных трудностей. Именно так они реагируют на предложение работать в условиях сурового климата, в условиях вредных для здоровья, выполнять работу однообразную либо неквалифицированную, ниже уровня их способностей и умений, а также работу, требующую частой перемены места жительства и разлуки с семьей. Ни юноши, ни девушки не хотят жертвовать чувствами при заключении брака, кроме того, девушки не согласны на физически тяжелую или на опасную работу. Во всех перечисленных случаях ответ "скорее нет" является наиболее частым.

Готовность к жертвам второго типа, которые ведут к саморазвитию, накоплению и полному использованию человеческого капитала, наоборот, сравнительно высока: когда респондентов спрашивают о готовности усердно учиться в "трудном" институте, выполнять работу с повышенной ответственностью и жертвовать ради нее свободным временем, переучиваться и осваивать новую профессию, не заводить семью до достижения определенного уровня образования, материального и социального положения, они чаще всего дают ответы "согласен" или "трудно сказать" (табл. 3).

Таким образом, респонденты, которые участвовали в наших опросах, склоняются к тому, чтобы продавать на рынке рабочей силы прежде всего свою будущую высокую квалификацию. Ярким примером жертв противоположного типа является, в частности, работа в условиях, вредных для здоровья. Она подразумевает как бы продажу своего здоровья в обмен на текущие материальные льготы и более ранний выход на пенсию. Эта жертва, как и те, что связаны с примитивным содержанием и плохими условиями труда, по-видимому, ассоциируется в сознании учащихся с обликом людей, не имеющих высокой и пользующейся спросом профессиональной квалификации, и не вписывается в их представление о трудовой роли профессионала¹.

Перейдем теперь к структурным взаимосвязям между готовностями к различным жертвам и трудностям и анализу образующихся на основе этих взаимосвязей интегральных индексов.

¹ Более высокая готовность к преодолению трудностей, ведущих к накоплению и использованию человеческого капитала, тесно связана с притязаниями учащихся получить высшее профессиональное образование, которые характерны для подавляющего большинства респондентов (для 86% городских учащихся по всем опросам с 1985 по 2001 г.). Что же касается здоровья, то, судя по специальному вопросу, который был включен в анкеты 1995 и 2001 гг., для 60% респондентов оно входит в число ценностных приоритетов, и им, конечно, не готовы жертвовать.

Таблица 3

Готовность респондентов к собственным жертвам и усилиям (1985–2001 гг.)

Согласны ли Вы:	Средние значения (в баллах)*						Частотные распределения по всему массиву, %, 1990–2001 гг., Москва, Орел, Мценск, Саратовская обл. и Киев, N=2467 человек		
	1985 г., Киев (N=625)	1990–1992 гг., Москва и Киев (N=592)	1995 г., Москва, Орел, Мценск и Киев (N=797)	2001 г., Москва, Орел, Мценск, Саратовская обл. и Киев (N=1078)	1990–2001 гг., Москва, Орел, Мценск, Саратов- ская обл. и Киев (N=2467)	Скорее нет	Трудно сказать	Скорее да	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Работать в условиях, вредных для здоровья?	1,4	1,3	1,2	1,3	1,2	80	17	4	
Выполнять работу низкой квалификации, ниже уровня Ваших способностей и умений?	–	1,5	1,3	1,3	1,3	73	21	6	
Выполнять работу, связанную с частой переменной места жительства?	1,9	1,5	1,4	1,6	1,5	62	24	13	
Выполнять однообразную, монотонную работу?	1,5	1,5	1,5	1,6	1,5	59	29	13	
Отслужить срочную службу в армии?	–	–	–	1,5	1,5	65	20	16	
Пожертвовать чувствами при заключении брака	–	1,5	1,5	1,5	1,5	61	29	10	
Работать в условиях сурового климата?	2,1	1,7	1,5	1,5	1,6	59	28	14	
Контактировать с людьми, связанными с преступным миром?	–	–	1,7	1,6	1,6	54	29	17	

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Выполнять работу, которая потребует частой разлуки с семьей?	1,8	1,7	1,6	1,7	1,7	48	38	14
Выполнять физически тяжелую работу?	1,9	1,7	1,6	1,8	1,7	49	31	20
Пойти "на сделку с совестью"?	—	—	1,7	1,7	1,7	44	42	14
Выполнять работу интересную, но на которой трудно рассчитывать на высокую материальную обеспеченность?	2,3	1,6	1,9	1,9	1,8	39	43	19
Выполнять опасную работу?	2,1	1,7	1,8	1,7	1,8	47	30	23
Выполнять работу, которая требует, чтобы Вы часто жертвовали свободным временем, отдыхом, досугом?	2,1	2,0	2,0	2,0	2,0	31	39	29
Усердно учиться в "трудном" институте?	—	2,0	2,2	2,4	2,2	22	32	46
Выполнять работу с повышенной ответственностью?	2,4	2,1	2,1	2,3	2,2	18	42	40
Переучиваться, осваивать новую профессию?	—	2,2	2,1	2,2	2,2	24	37	39
Не заводить семью, пока не достигнете определенного уровня образования, материального и социального положения?	—	2,0	2,3	2,4	2,3	20	31	49

* Респондентам предлагалась трехбалльная шкала: "скорее нет" (1 балл), "трудно сказать" (2 балла) и "скорее да" (3 балла).

Ошибка средней в целом по массиву колеблется в диапазоне 0,01–0,02, а по подмасивам, характеризующим отдельные годы, — в диапазоне 0,02–0,03 балла.

В таблице 4 приводятся два первых, наиболее информативных фактора (всего в матрице оказалось четыре фактора, собственное число которых превышало 1).

С *первым* из этих факторов положительно связаны все 15 показателей готовности к жертвам и преодолению трудностей. По абсолютной величине веса разных показателей неодинаковы, лидируют среди них готовность к работе в условиях сурового климата, к физически тяжелому труду, опасной работе, к работе, требующей жертвовать свободным временем и отдыхом. Существенно, что с данным фактором тесно связаны оба упомянутых выше типа жертв

Таблица 4

Факторная структура готовностей к собственным жертвам и усилиям у респондентов, опрошенных в 1990–2001 гг. (Москва, Киев, Орел, Мценск, Саратовская область, N=2467 человек)

Виды жертв	I фактор	II фактор*
Выполнять работу низкой квалификации, ниже уровня Ваших способностей и умений	0,37	0,52
Выполнять однообразную, монотонную работу	0,30	0,36
Работать в условиях, вредных для здоровья	0,45	0,28
Пожертвовать чувствами при заключении брака	0,18	0,23
Работать в условиях сурового климата	0,63	0,21
Выполнять физически тяжелую работу	0,58	0,11
Выполнять работу, которая потребует частой разлуки с семьей	0,52	0,03
Выполнять работу, связанную с частой переменной места жительства	0,47	0,00
Выполнять работу интересную, но на которой трудно рассчитывать на высокую материальную обеспеченность	0,30	-0,02
Выполнять опасную работу	0,57	-0,02
Выполнять работу, которая требует, чтобы Вы часто жертвовали свободным временем, отдыхом, досугом	0,60	-0,13
Переучиваться, осваивать новую профессию	0,31	-0,21
Не заводить семью, пока не достигнете определенного уровня образования, материального и социального положения	0,24	-0,42
Выполнять работу с повышенной ответственностью	0,45	-0,45
Усердно учиться в "трудном" институте	0,42	-0,52
Информативность факторов	20%	9%

* Для удобства дальнейшего сопоставления с факторами ожиданий помощи знаки факторных нагрузок во втором факторе данной матрицы изменены на противоположные, что, конечно, никак не сказывается на содержательной трактовке материала.

и трудностей: заметные положительные веса имеют, с одной стороны, готовность трудиться в условиях сурового климата, выполнять физически тяжелую и вредную работу, а с другой — готовность учащихся усердно учиться в "трудном" вузе, а также их готовность к работе с повышенной ответственностью, оставляющей мало свободного времени для отдыха и досуга. Данный фактор, таким образом, является *общим (генеральным, универсальным) параметром готовности к преодолению различных жизненных трудностей.*

Второй из рассматриваемых факторов более сложен по своей структуре: одна группа признаков входит в него с положительными, а другая — с отрицательными нагрузками. Положительно с фактором связаны готовности выполнять работу ниже уровня своих способностей, выполнять монотонную работу, работать в условиях, вредных для здоровья, в условиях сурового климата, а также готовность пожертвовать чувствами при заключении брака, отрицательно — готовности усердно учиться в "трудном" вузе, выполнять работу с повышенной ответственностью, переучиваться, осваивать новую профессию, отложить создание семьи.

Общий смысл показателей, связанных с фактором *положительно*, — это готовность человека к физическим (тяжелая работа, условия сурового климата), информационным (однообразная работа) и эмоциональным (чувства при заключении брака) лишениям, а также к лишению себя возможности полностью использовать имеющиеся способности, реализовать свой потенциал (соответствующий показатель имеет наиболее выраженную положительную нагрузку). Общий же смысл показателей, имеющих по фактору *отрицательные* нагрузки, состоит, наоборот, в том, чтобы *накапливать* новые умения и способности (усердно учиться в "трудном" институте, осваивать новую профессию), обеспечивать для этого необходимые условия (откладывать создание семьи) и полностью реализовывать накопленный потенциал (выполнять работу с повышенной ответственностью).

Эти две группы готовностей как раз и воплощают два типа стратегий, о которых шла речь выше. Идя на физически тяжелую, вредную, монотонную работу или на брак по расчету (симптоматично, что установки в сферах труда и семейной жизни оказались взаимосвязаны), на недоиспользование имеющихся способностей, человек тем самым ухудшает свои физические качества, свое эмоциональное состояние и утрачивает свои способности как работника, поскольку неиспользуемые знания и навыки забываются. Хотя он получает за это те или иные блага, но не развивается и, более того, утрачивает даже то, чем располагал ранее как субъект жизнедеятельности. Соглашаясь же учиться и переучиваться, откладывать брак или идти на ответственную работу, человек тоже испытывает лишения, в частности, жертвует отдыхом и досугом, но при этом поддерживает имеющиеся у себя способности и накапливает новые, развивается, сохраняет и наращивает свой человеческий капитал.

В итоге, уточняя сформулированные в предшествующих публикациях представления о двух типах жертв и трудностей, назовем рассматриваемый параметр *фактором взаимно-обратных соотношений между двумя стратегиями достижения успеха — стратегией жертвы своими качествами и способностями и стратегией сохранения и приумножения своих способностей (человеческого капитала)*.

На рисунках 8 и 9 приводятся средние значения описанных выше факторов, характеризующие молодежь нескольких поколений в различных географических точках.

Как видим, межпоколенная динамика каждого из рассматриваемых интегральных индексов оказалась *в разных городах практически одинаковой*.

Что касается *генерального фактора* готовностей к жертвам (см. рис. 8), то *в первой половине 1990-х годов* его средние значения снижались. (Эти изменения совпадают с теми, что были выявлены ранее при анализе динамики *отдельных* готовностей¹.) При переходе же от 1995 к 2001 г. направление изменений интегрального показателя готовности резко изменилось, он начал расти и в результате у поколения 2001 г. готовность идти на жертвы и преодолевать трудности превысила значения не только 1995 г. (различия по объединенному массиву четырех городов статистически значимы), но и 1990–1992 гг.

Итак, судя по значениям *генерального фактора*, выпускники школ в середине 1990-х годов были *менее* склонны идти на жертвы и преодолевать трудности, чем их сверстники в начале 1990-х годов (и тем более в середине 1980-х годов), но затем тенденция сменилась на противоположную, и учащиеся, заканчивавшие школу в 2001 г., демонстрировали уже гораздо *большую* готовность к жертвам, чем их сверстники не только в середине, но и в начале 1990-х годов².

¹ *Магун В.С.* Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г.

² В связи с отсутствием первичных данных мы не имеем возможности вычислить значения этого интегрального показателя для киевской выборки 1985 г. Но судя по сопоставлениям частных показателей готовности к жертвам, можем заключить, что в 2001 г. полного возврата к уровню 1985 г. (в абсолютном смысле не столь уж высокому) не произошло: в 9 из 10 случаев показатели готовности к собственным усилиям были в 2001 г. *ниже*, чем в 1985 г., а итоговый средний разрыв составил 0,2 балла, что примерно в 10 раз превышает величину ошибки средних (см. табл. 3).

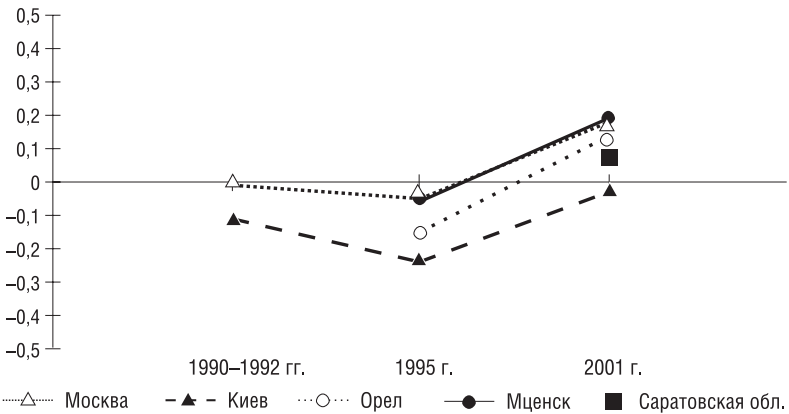

Рис. 8. Готовность к собственным жертвам и усилиям (средние значения генерального фактора, 1990–2001 гг.)

Межпоколенная динамика *второго фактора*, описывающего конфликт двух стратегий при выборе человеком собственных жертв — стратегии сохранения и накопления человеческого капитала (саморазвития) и стратегии жертвы своим человеческим капиталом, — имеет иной характер (см. рис. 9). С 1990 по 2001 г. средние значения данного фактора во всех исследуемых географических точках неуклонно *снижались*, и это означает, что у каждого следующего поколения выпускников школ баланс все больше сдвигался в пользу стратегии накопления человеческого капитала (значимыми являются различия в Москве и Киеве между оценками 1990–1992 и 1995 гг., а в Орле, Мценске и объединенном массиве четырех городов — между оценками 1995 г. и 2001 г.)¹. Подобная тенденция согласуется и с описанной в наших прежних публикациях динамикой *отдельных* показателей: при анализе изменения этих показателей в Киеве и в Москве с 1990 по 1995 г. было установлено, что готовности усердно учиться в "трудном" вузе, осваивать новую профессию, откладывать создание семьи, выполнять работу с повышенной ответственностью не снижались, а иногда и росли, на

¹ О динамике этого фактора в первой половине 1990-х годов см. также: Магун В.С. Изменения притязаний и жизненных стратегий выпускников школ, 1999. <http://www.isras.ru/files/20759-ob_izmeneniyakhofprityazani.pdf>.

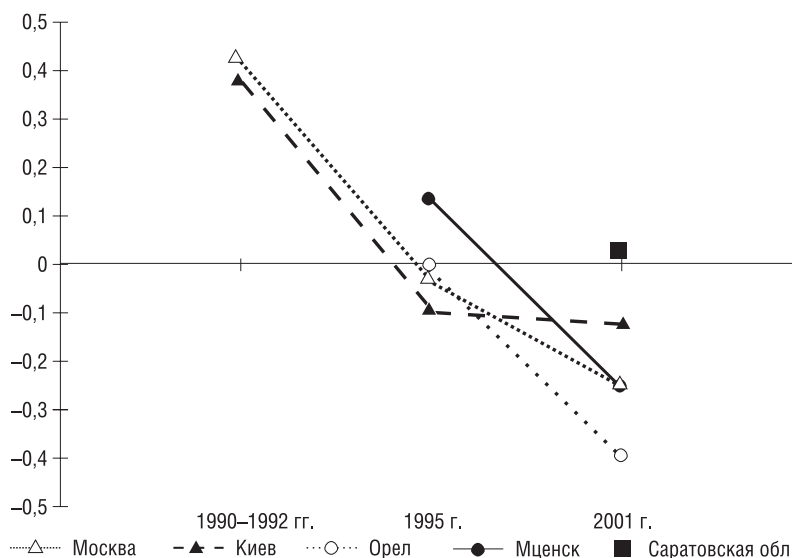

Рис. 9. Фактор "трудности учения и ответственности (-) vs преодоление физических, информационных и эмоциональных лишений (+)" (средние значения, 1990–2001 гг.)

фоне явного снижения готовностей к преодолению большинства других трудностей¹.

Для объяснения описанной выше межпоколенной динамики интегральных показателей отношения молодежи к трудностям и лишениям используем *две линии рассуждений*.

Первая нацелена на объяснение ведущей тенденции, воплощенной в динамике первого фактора, характеризующего обобщенную (универсальную) готовность к жертвам и преодолению трудностей. И здесь снова сошлемся на соображения, уже изложенные выше

¹ Примечательно, что с ростом *готовности* молодежи откладывать создание семьи до достижения определенного уровня образования, материального и социального положения происходило и *реальное* повышение брачного возраста. По данным С.В.Захарова, с 1993 по 2001 г. возраст вступления в брак увеличился с 21,7 до 22,8 лет у российских женщин и еще сильнее — с 23,8 до 25,3 лет у российских мужчин (См.: *Захаров С.В.* Возраст при регистрации браков повышается // *Население России, 2001. 9-й ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г.Вишневого. М.: Изд-во "Книжный дом Университет", 2002. С. 27–30*). Одновременно повышается и средний возраст матери при рождении первого ребенка (См. *Захаров С.В.* Растет ли российская рождаемость? // *Население и общество. 2002. № 68. Ноябрь*).

при объяснении сдвигов в уровне притязаний. Как уже говорилось, высокий уровень возможных жизненных результатов и логически дополняющее его представление о легкости их достижения были следствием общего настроения социального оптимизма в отношении возможностей нового общественного строя — настроения, возникшего в советском обществе в конце 1980-х — начале 1990-х годов и обеспечившего в конечном счете успех социальной революции. Сдвиг в сознании молодежи заключался, таким образом, в *общем* изменении картины будущей жизни к лучшему, и он затрагивал не только притязания, но и средства их достижения. Смысл этого сдвига состоял в том, что можно достичь большего и ценой меньших собственных усилий. В свете этих соображений и может быть понято общее снижение на протяжении 1985—1995 гг. готовности молодежи к собственным усилиям.

В этом же контексте можно понять и тот перелом в динамике отношения молодежи к жизненным трудностям, который наступил во второй половине 1990-х годов. Причины перелома — те же самые, которыми мы выше объясняли изменение динамики уровня притязаний в тот же период. Подобно тому, как "принцип удовольствия" на начальном этапе быстрых социальных изменений одновременно влиял и на рост притязаний, и на снижение ожидаемых затрат, ассигнуемых на их достижение, "принцип реальности", позволяющий более трезво осознавать трудности и ограничения, привел на более позднем этапе одновременно и к снижению притязаний, и к росту готовности больше "платить" за их достижение.

Вторая линия рассуждений об изменениях готовности молодежи к собственным жертвам имеет более фокусированный характер и направлена на объяснение "тенденции второго плана". Напомним, что эта тенденция выразилась в межпоколенной динамике второго фактора, где наблюдается сдвиг в пользу стратегии поддержания и накопления способностей и квалификации (человеческого капитала) при одновременном отказе молодых людей от стратегии саморазрушения.

Известно, что в советскую эпоху сам по себе квалифицированный труд, как правило, не обеспечивал работнику высокого уровня благосостояния, наоборот, квалифицированная часть средних слоев оказывалась "в наиболее невыгодных условиях"¹. Поэтому

---

¹ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. С. 210.

жертва условиями и содержанием труда была наиболее распространенным способом заметно повысить доход. Но в ходе социально-культурных и социально-экономических трансформаций, стартовавших в конце 1980-х годов, ситуация начала меняться, и общество все в большей степени стало активно вознаграждать некоторые виды квалифицированного профессионального труда, отказавшись от существовавших ранее "потолков" заработка и дохода¹. Это и привело к тому, что молодые люди стали все больше видеть путь реализации своих притязаний не в жертвах "экстенсивного" характера, типичных для советского времени, а в жертвах и усилиях, направленных на приобретение высшего образования, которое, в свою очередь, улучшало их положение на рынке труда².

Правда, как показывают многочисленные факты, обучение в системе высшего профессионального образования сегодня очень часто не связано с той профессией, по которой молодой

¹ Речь прежде всего шла о труде юриста, финансиста, компьютерного специалиста, менеджера, бизнесмена, а также других категорий работников, занятых преимущественно в сфере услуг. В целом это как раз те профессии и занятия, которые входят в число наиболее привлекательных для наших респондентов и для других групп молодежи. См.: *Дубин Б.В.* Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: Межпоколенческая репродукция и разрыв поколений // Экономические и социальные перемены... 1995. № 1. С. 14–18; *Константиновский Д.Л.* Динамика привлекательности профессий и социальные изменения // Профессиональное самоопределение выпускников общеобразовательных школ / Под ред. В.Н.Шубкина, Д.Л.Константиновского. М., 1996. С. 12–49; *Чередиченко Г.А. и др.* Когда наступает время выбора. (Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений). М.: ИС РАН; СПб.: РХГИ, 2001.

² Об усилении в 1990-х годах внимания молодежи к приобретению образования и квалификации свидетельствуют и некоторые факты, полученные в исследованиях наших коллег. Одно весьма тонкое наблюдение принадлежит Е.А.Хибовской: оказалось, что мотивируя свое неучастие в образовательной деятельности молодые люди (выборка от 16 до 30 лет), опрошенные в 1995 г., лишь в 15% случаев приводят аргумент "у меня достаточно высокий уровень образования". Особенно примечательно, что, по сравнению с 1991 г., эта цифра снизилась в три раза (см.: *Хибовская Е.А.* Ориентации молодежи в сфере образования // Экономические и социальные перемены... 1995. № 5. С. 29). В исследовании И.И.Харченко, проведенном в Новосибирске и Новосибирской области в 1990 и 1996 гг., установлено, что доля 11-классников, намеревающихся поступать в вузы, за эти годы возросла или во всяком случае не уменьшилась. И только немногие юноши и девушки согласились в 1996 г. с утверждением "хорошее образование сейчас потеряло свое значение" (см.: *Харченко И.И.* Образование в системе ценностей и жизненных планах старшеклассников: Методология и результаты социологического исследования в Новосибирске // Социальные изменения в России и молодежь / Под ред. В.С.Магуна. М.: МОНФ, 1997. С. 52, 54).

человек идет впоследствии работать. Поэтому ориентация молодежи на получение высшего образования — это в значительной степени желание получить *общее* высшее образование (с последующей специализацией в ходе обучения на рабочем месте или в специализированных образовательных учреждениях, или в процессе получения второго высшего образования)¹.

В предшествующих публикациях по данному вопросу один из авторов данной статьи высказывал предположение о том, что в постсоветской России и Украине стала сильнее вознаграждаться квалификация, только в качестве *гипотезы*. Она призвана была объяснить рост готовности молодых людей преодолевать трудности, связанные с получением высшего образования и последующим выполнением ответственной работы: естественно было предположить, что эта готовность повышалась, поскольку люди ожидали, что с наличием квалификации действительно будет связано большее вознаграждение. Но на сегодняшний день имеются уже серьезные *эмпирические доказательства* обоснованности выдвинутой ранее объяснительной гипотезы. Д.Нестерова и К.Сабирьянова показали, что в России и в других постсоциалистических странах "отдача" на образование в виде прироста заработной платы на каждый дополнительный год обучения действительно заметно выросла в первой половине 1990-х годов, по сравнению с временами социализма². Впоследствии К.Сабирьянова показала также, что "отдача" на образование вообще и на высшее образование, в частности, устойчиво росла на протяжении всего периода 1990-х годов и приблизилась к уровню, характерному для экономически развитых стран. Например, в 2000 г. в России каждый дополнительный год обучения в вузе сопровождался увеличением заработной платы более чем на 12%³.

Говоря языком социогеографии, наиболее демократичным и лишенным моральных издержек способом заработать деньги в Советском Союзе была напряженная работа "на Севере" или "на Востоке",

¹ Об ориентации на общее высшее образование см.: Магун В.С. Об оценке российского высшего образования и его перспектив. 1999. Метод доступа: <http://www.isras.ru/files/20773-Ob_otsenkeofrussion_education.pdf>.

² Nesterova D., Sabirianova K. Investment in Human Capital under Economic Transformation in Russia. EERC Working Paper Series. 1999. N 99/04.

³ Sabirianova K. Skill-Biased Transition: The Role of Markets, Institutions, and Technological Change (Доклад на конференции "Микроэкономический анализ перераспределения рабочей силы". Мичиган. Август 2003 г. Метод доступа: <<http://www.upjohninstitute.org/confindex.htm>>).

т.е. в неблагоприятных природных условиях. Кроме того, для части молодых людей "Север" и "Восток" страны приобретали и романтическую окраску, представлялись тем пространством, где молодой человек мог испытать себя. Характерно название известного очерка С.Соловейчика, опубликованного в 1965 г. в "Комсомольской правде" и посвященного молодым людям, ищущим такое место, где каждый из них мог бы почувствовать себя "человеком, элементарным человеком", — очерк назывался "Посевернее, повосточнее"¹. Сегодня же мечты о благосостоянии связываются в сознании молодежи прежде всего с "Западом", который ассоциируется у нее как раз с наиболее благоприятными социально-экономическими и природными условиями, а также с достойными условиями труда для квалифицированных специалистов².

Часть молодых людей не возражали бы учиться и работать на Западе, переехав туда насовсем или на время³. Но не менее сильно желание работать "как на Западе" у себя на родине, где "западные", "капиталистические", "цивилизованные" условия труда предлагают уже не только иностранные, но и продвинутые отечественные компании, достойно вознаграждающие квалификацию и ответственность своего персонала.

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ОЖИДАНИЙ ПОМОЩИ

Чтобы оценить ожидания учащихся, касающиеся помощи в реализации притязаний, их после вопросов о соответствующих притязаниях спрашивали: "В какой мере при осуществлении этих планов [уточнялось, каких] Вы можете рассчитывать на помощь родителей, родственников, друзей и знакомых?" Во всех случаях респондентам предлагались следующие варианты отве-

¹ Этот очерк был позднее перепечатан: *Соловейчик С. Посевернее, повосточнее* // *Алый парус* / Сост. И.Зюсюкин, С.Соловейчик. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 22–28.

² В России и Украине центрами притяжения для молодежи сегодня стали Москва и Киев, которые и социально, и географически ближе к Западу, нежели к Северу или Востоку (см.: *Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Миграция // Население России, 2001. 9-й ежегодный демографический доклад*).

³ 70% отвечавших на вопросы нашей анкеты в 2001 г. российских респондентов хотели бы поехать за границу на временную работу, 42 — учиться, 53 — на постоянное место жительства, если будет работа по специальности, 19% — уехать в любом случае. В Киеве соответствующие цифры несколько выше: 72, 57, 58 и 29%.

Таблица 5

Средние значения ожиданий респондентами различной помощи со стороны родителей, родственников, друзей и знакомых (1985–2001 гг.)*

Город	Год	Число опрошенных	В осуществлении планов, связанных с будущей работой	В осуществлении планов, связанных с образованием	В достижении признания и уважения	В приобретении жилья	В приобретении загородного дома	В осуществлении планов жизни за границей
Москва	1990–1991	387	2,0	1,9	–	2,1	–	1,9
	1995	200	2,1	2,0	1,8	1,9	1,8	1,7
	2001	230	2,1	2,1	1,9	1,9	1,8	1,6
Киев	1985	625	1,6	1,9	1,4	1,8	1,8	–
	1992	205	1,9	2,1	1,6	2,0	1,9	–
	1995	203	2,1	2,0	1,8	1,9	1,7	1,7
	2001	200	2,1	2,2	2,0	1,9	1,8	1,7
Орел	1995	208	2,2	2,1	1,8	2,0	2,0	1,7
	2001	253	2,2	2,2	2,0	2,0	1,8	1,8
Мценск	1995	186	2,0	1,9	1,9	1,9	1,9	1,7
	2001	219	2,2	2,3	2,1	2,1	2,0	1,8
Саратовская область	2001	176	2,2	2,2	2,1	2,0	1,8	1,8

* Ошибки средних не превышают 0,05.

тов: "на помощь не рассчитываю" (1 балл), "рассчитываю на некоторую помощь" (2 балла), "рассчитываю на значительную помощь" (3 балла). При этом психологические образования, стоящие за ответами респондентов об их расчетах на помощь, могли различаться: это могли быть как пассивные ожидания (упования на помощь), так и ожидания, связанные с намерениями респондента активно привлекать внешние ресурсы¹.

¹ Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. С. 91–103.

Как выяснилось, большинство средних оценок колеблется в районе двух баллов, что соответствует варианту ответа "рассчитываю на некоторую помощь" (табл. 5). В Киеве с 1985 по 1992 г. эти средние оценки выросли (в среднем на 0,2 балла, при ошибке средней, равной 0,05), рост наблюдался и на последнем этапе — с 1995 по 2001 г., и в итоге у киевских учащихся ожидания помощи в 2001 г. превысили исходные показатели 1985 г. На рисунке 10 приводятся средние оценки ожидаемой киевскими школьниками помощи в достижении искомого признания и уважения, в осуществлении замыслов, связанных с будущей работой¹, в приобретении загородного дома и городского жилища, а также в осуществлении образовательных планов.

Проанализируем теперь структурные взаимосвязи между различными ожиданиями помощи и образующиеся на основе этих взаимосвязей интегральные индексы.

Факторному анализу были подвергнуты шесть показателей, которые образовали два фактора (табл. 6).

В *первый фактор* (его информативность 40%) с высокими и примерно одинаковыми положительными весами входят все шесть ожиданий помощи. Лица с высокими значениями этого фактора рассчитывают на сравнительно заметную помощь в получении образования, в осуществлении планов, связанных с будущей работой, а также в получении признания, приобретении жилья и дачи, и в реализации планов жизни за границей². Те же, кто имеет низкие значения по данному фактору, рассчитывают на меньшую помощь в достижении всех этих благ или не рассчитывают на нее вовсе. Данный фактор, таким образом, является *обобщенным (генеральным, универсальным) параметром ожиданий помощи в реализации жизненных притязаний*.

Во *второй фактор* (его информативность 18%), как и в случае с готовностями идти на жертвы, одна группа признаков входит с положительными, а другая — с отрицательными нагрузками. По-

¹ Формулировки "помощь... в осуществлении замыслов, связанных с будущей работой", в киевском опросе 1985 г. не было. Для приближенной оценки выраженности соответствующих ожиданий была рассчитана средняя по ожиданиям двух видов помощи, относящихся к будущей работе: помощи в получении "достаточного заработка" и "достаточной должности". Эта средняя и фигурирует в таблице 5, а также на рисунке 10.

² Варианты ответов, касающиеся планов жизни за границей см. выше, в сноске на с. 214.

Таблица 6

Факторная структура ожиданий респондентами различной помощи от родителей, родственников, друзей и знакомых (Москва, Киев, Орел, Мценск, Саратовская область, 1990–2001 гг., N=2467 человек)

Направления помощи	I фактор	II фактор
В осуществлении планов, связанных с будущей работой	0,69	-0,45
В осуществлении планов, связанных с образованием	0,68	-0,46
В достижении признания и уважения	0,64	-0,22
В приобретении жилья	0,62	0,31
В приобретении загородного дома	0,56	0,56
В осуществлении планов жизни за границей	0,57	0,44
Информативность факторов	40%	18%

ложительно с фактором связаны ожидания помощи в приобретении дачи, городского жилища и в осуществлении планов жизни за границей, отрицательно — ожидания помощи в получении образования, в реализации планов, связанных с будущей работой и получением искомого признания.

Можно предположить, что критерием, разделяющим две группы ожиданий помощи, является содержание задач этой помощи, направлена ли она *на приобретение конечных благ* (результатов) или же *на приобретение ресурсов* (средств, инструментов). Действительно, работа с хорошим заработком, хорошее высшее образование, позволяющее находить подобные рабочие места и удерживаться на них, а также хорошая репутация ("уважение и признание") как раз и являются ресурсами для приобретения потребительских благ (в том числе таких дорогих, как городское жилье и дача) и условиями, благоприятствующими успешной работе и жизни за границей¹.

В таком случае противостояние двух указанных групп показателей в данном факторе свидетельствует о том, что значитель-

¹ Таким образом, исходное для статьи упрощенное деление потребностей на целевые ("притязания") и инструментальные ("ресурсные стратегии") усложняется, ибо оказывается, что сами выбранные для анализа притязания раздвигаются на целевые и инструментальные. В этом нет ничего неожиданного, так как понятия целевых и инструментальных потребностей относительны, а сами эти потребности образуют многопорядковые целеинструментальные цепочки (см.: Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Гл. 1.).

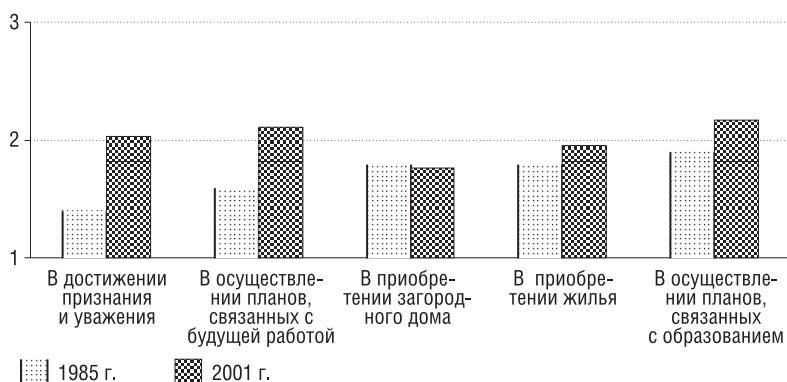

Рис. 10. Ожидания респондентами различной помощи со стороны родителей, родственников, друзей и знакомых (средние значения, Киев, 1985 и 2001 гг.)

ная часть респондентов осуществляет выбор: просить ли и ждать помощи родителей в приобретении конечных благ или же мобилизовать эту помощь и рассчитывать на нее для решения иной задачи — приобретения универсальных собственных ресурсов, какими являются хорошее образование, хорошая работа и уважение окружающих¹. В определенной степени эти два вида помощи заменяют друг друга, поэтому в сознании молодых людей они выступают как альтернативы.

Итак, рассматриваемый фактор можно было бы назвать *фактором взаимно-обратных соотношений между двумя группами ожиданий помощи — помощи в приобретении конечных благ и помощи в овладении универсальными собственными ресурсами, позволяющими эти блага впоследствии получать*.

Межпоколенная динамика *первого (генерального) фактора* (рис. 11) в целом совпадает с тем, что мы наблюдали при сопоставлении ожиданий по шести *отдельным* видам помощи в киевской выборке (см. рис. 10). Средние оценки этого фактора в рамках объединенного массива данных по четырем городам в 2001 г. *заметьно выше, чем в 1995 г.* Иными словами, в 2001 г. в новых социально-экономических и социокультурных условиях молодежь рассчитывает на *большую* помощь со стороны родителей, а также друзей, родственников и знакомых, чем в середине 1990-х годов и

¹ Фактически речь идет о варианте знаменитой дилеммы — подарить ли человеку рыбу или же подарить удочку, научив ею пользоваться.

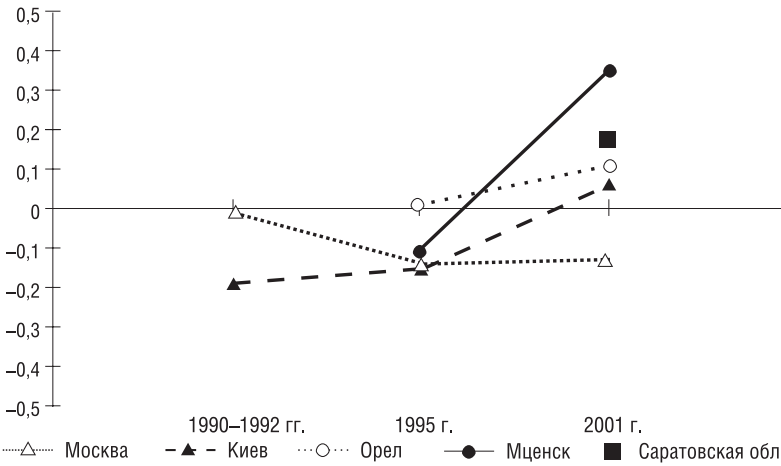

Рис. 11. Ожидания помощи со стороны родителей, родственников, друзей и знакомых (средние значения генерального фактора, 1990–2001 гг.)

чем в 1985 г., в условиях прежнего советского общества (последнее видно из рис. 10).

Но оказывается, что в Москве изменения обобщенного индекса ожиданий помощи шли вопреки общей тенденции, характерной для молодежи других городов. В первой половине 1990-х годов ожидания помощи в Москве снижались (в Киеве подобного снижения не было), а во второй половине 1990-х годов средние оценки ожиданий в Москве практически не изменились. *В итоге в Москве оценки ожидаемой помощи в 2001 г. оказались ниже, чем в это же время в трех других городах (различия с Мценском статистически значимы), и ниже, чем в Москве начала 1990-х годов.*

Межпоколенные изменения *второго фактора*, описывающего конфликт между ожиданиями двух разных видов помощи — "результатной" и "ресурсной", во всех обследованных городах одинаковы и однонаправлены. С 1990 по 2001 г. средние значения данного фактора неуклонно снижались, что означает, что у каждого следующего поколения выпускников школ баланс все больше сдвигался в пользу ожиданий "ресурсной" помощи в ущерб помощи "результатной" (рис. 12; статистически значимы эти сдвиги в первой половине 1990-х годов как в Москве, так и в Киеве, а также по объединенному массиву четырех городов — с 1995 по 2001 г.).

При попытке объяснить *межпоколенные изменения первого (генерального) фактора помощи* сразу возникает следующая труд-

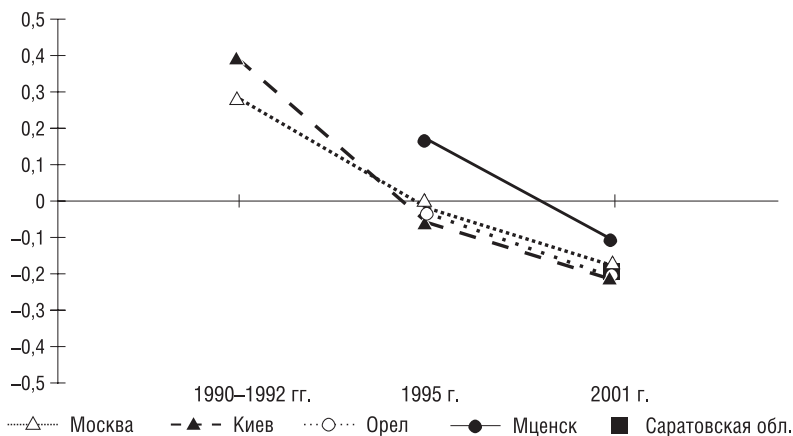

Рис. 12. Ожидания помощи со стороны родителей, родственников, друзей и знакомых: фактор "помощь в приобретении конечных благ (+) vs помощь в приобретении ресурсов (-)" (средние значения, 1990–2001 гг.)

ность. Она состоит в том, что вторая половина 1980-х и вторая половина 1990-х годов — два периода, которые резко различались по своему социально-психологическому воздействию на *притязания и готовность молодежи к собственным усилиям*, характеризуются *одной и той же динамикой ожиданий помощи*: в оба эти периода ожидания помощи во всех обследованных городах, кроме Москвы, растут.

Ключом к преодолению этой трудности, возможно, является упомянутый выше факт наличия двух типов соотношений между ожиданиями помощи и готовности к собственным усилиям, за которыми стоят и два разных по своим социально-психологическим механизмам типа отношения человека к чужой помощи. В одном случае — это пассивное ожидание чужого участия, а в другом — активное генерирование чужой помощи, т.е. комбинированное использование индивидом ресурсов как собственных, так и социального окружения¹. Внешне одинаковый рост ожиданий помощи можно отнести на счет этих разных механизмов: в конце 1980-х годов оценки ожидаемой помощи могли быть индикаторами пассивной стратегии, а их рост выражал стремление человека уравновесить свое нежелание идти на жертвы и преодолевать

¹ Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи.

трудности (в контексте "принципа удовольствия"). В конце же 1990-х годов в тех же самых показателях, возможно, возрос вес иной, активной стратегии молодых людей, которые не просто уповали на помощь, но и организовывали ее. Поэтому не случайно рост ожиданий помощи сопровождался в этот период не снижением, а *повышением установок на собственную активность*. Как бы то ни было, поколение выпускников 2001 г. в большей мере, чем их предшественники, склонно к мобилизации *как своих, так и чужих ресурсов* для реализации притязаний, достижение которых стало представляться им процессом более трудным, чем раньше.

Особая динамика ожиданий помощи в Москве, вероятно, связана с общепризнанными отличиями ее как "города больших возможностей", города, благоприятствующего индивидуальным достижениям, что, должно быть, и позволило молодым москвичам обойтись в конце 1990-х годов только повышением готовности к собственным усилиям и не потребовало в дополнение к этому еще и мобилизации ресурсов окружающих¹.

Для объяснения межпоколенной динамики *второго* фактора ожиданий помощи воспользуемся теми же соображениями, которые оказались полезны для понимания динамики второго фактора готовности к собственным жертвам. Речь, напомним, шла о том, что новый общественно-экономический строй оказался более меритократичным, и что в новых социально-экономических условиях 1990-х годов в большей степени, чем в условиях советского общества, стала вознаграждаться профессиональная квалификация и продуктивность работника. В связи с этим, естественно, стали менее вознаграждаться различные характеристики, которые не столь сильно, как квалификация, связаны с продуктивностью — прежде всего стаж и тесно коррелирующий с ним возраст. (В уже упоминавшейся публикации Д.Нестерова и К.Сабирьянова привели факты, свидетельствующие о снижении в процессе социаль-

¹ Возникло предположение, что могли сказаться и отличия в ориентациях московской молодежи. Но гипотеза, что у молодых москвичей сильнее, чем у жителей других городов, выражены ценности самостоятельности и опоры на собственные силы, не подтвердилась. (Для проверки этой гипотезы сопоставлялись ответы учащихся разных городов на вопрос о локусе контроля: "Как Вы полагаете, от чего главным образом зависит то, как в целом складывается Ваша жизнь?" Варианты ответов варьировались, начиная с "главным образом от внешних обстоятельств" до "главным образом от меня".)

но-экономических преобразований 1990-х годов "отдачи" от общего трудового стажа в виде прироста заработка¹.)

Из этих рассуждений следует, что в современных условиях молодые люди, если они имеют хорошую квалификацию и работу, вполне могут заработать деньги на приобретение разнообразных потребительских благ. Это происходит потому, что, во-первых, в рыночной экономике сняты характерные для советского времени ограничения на личные заработки и доходы, и во-вторых, произошло перераспределение доходов между поколениями в пользу молодежи, вызванное отмеченными выше противоположно направленными сдвигами в отдаче на образование и стаж.

Отсюда понятной становится и межпоколенная динамика значений обсуждаемого фактора на протяжении 1990-х годов. По-видимому, каждое следующее поколение молодежи все яснее осознавало, с одной стороны, свои постоянно возрастающие возможности, предоставляемые хорошим образованием и хорошей работой, с другой — снижающиеся возможности родителей *напрямую* помочь в приобретении жилья и других потребительских благ. Логическим выводом из этого и стало перераспределение предпочитаемых "потоков" родительской помощи в пользу хорошего образования, работы и репутации.

Немаловажным аргументом в пользу подобного перераспределения стало и то, что для оказания подобной помощи родители могут использовать не только и даже не столько дефицитные для них материальные и финансовые ресурсы, сколько имеющиеся в их распоряжении запасы человеческого, морального и социального капитала.

СОВМЕСТНАЯ ДИНАМИКА ИНТЕГРАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ПРИТЯЗАНИЯ, ГОТОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА К СОБСТВЕННЫМ ЖЕРТВАМ И ОЖИДАНИЯ ПОМОЩИ. ИНДЕКС ПРИЕМЛЕМОЙ/ОЖИДАЕМОЙ РЕСУРСОЕМКОСТИ ПРИТЯЗАНИЙ

Сопоставим теперь динамику описанных выше *интегральных показателей*.

На рисунке 13 приводятся графики изменений средних значений генеральных (и первых по порядку в соответствующих факторных матрицах) факторов притязаний, готовностей к собственным жертвам и ожиданий помощи с 1990 по 2001 г. в каж-

¹ Nesterova D., Sabirianova K. Op. cit.

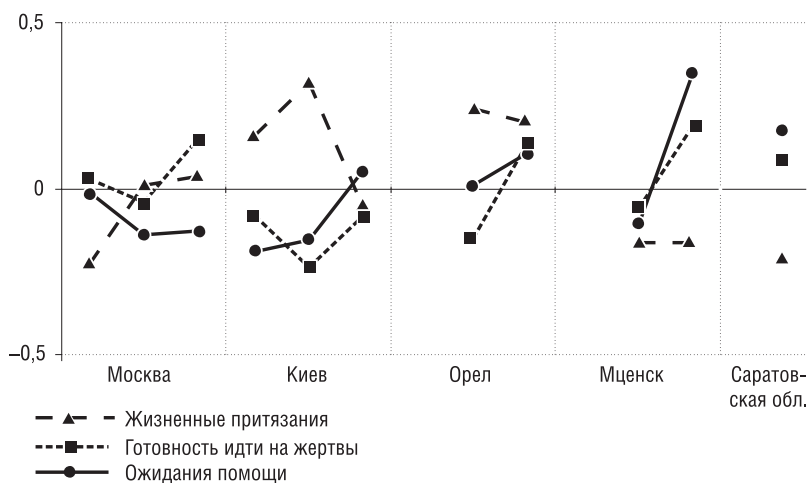

Рис. 13. Жизненные притязания, готовность идти на собственные жертвы и ожидания помощи (средние значения первых факторов, 1990–2001 гг.)

дом из четырех городов. Напомним, что по содержанию эти факторы представляют обобщенные индексы уровня притязаний, готовности к жертвам и ожидаемой помощи. Линии, относящиеся к Москве и Киеву, построены на основе трех точек (начало 1990-х годов, 1995 и 2001 гг.), линии для Орла и Мценска — на основе двух точек (1995 и 2001 гг.).

Графики, характеризующие динамику рассматриваемых переменных в разных городах, неодинаковы, но все же в динамике притязаний и готовности к собственным усилиям можно выделить ряд общих черт.

Что касается *притязаний*, то четко видно, как в первой половине 1990-х годов притязания росли (продолжая подъем, начавшийся после 1985 г.), а затем с 1995 по 2001 г. снизились (Киев, Орел) или, по меньшей мере, прекратили расти (Москва, Мценск).

Кривые, характеризующие динамику *готовности к собственным жертвам*, не однонаправлены с теми, что характеризуют динамику *притязаний*, а часто идут в противофазе с ними. В первой половине 1990-х годов, когда притязания росли, согласие идти на собственные жертвы снижалось (продолжая снижение, начавшееся во второй половине 1980-х годов). С 1995 по 2001 г., когда притязания начали снижаться (или прекратили рост, как в Мос-

кве и Мценске), готовность к собственным жертвам, наоборот, стала увеличиваться.

Что касается динамики *ожиданий помощи*, то здесь налицо отличия Москвы от других городов. После 1995 г. во всех городах, кроме Москвы, эта динамика *однонаправлена* с изменениями *готовности к собственным жертвам*: готовность к мобилизации обоих типов ресурсов повышается. Причем это происходит на фоне стагнации или снижения показателя, характеризующего обобщенный уровень притязаний. В первой половине 1990-х годов налицо тоже два разных варианта соотношения между перспективами использования *ресурсов окружающих и своих собственных*: в Киеве ожидания чужой помощи за этот период несколько повысились — на фоне снижения импульсов к собственным жертвам и роста притязаний, а в Москве на том же фоне ожидания помощи явно понизились.

Итак, на приведенных выше графиках отражена межпоколенная динамика трех интегральных показателей, характеризующих жизненные программы молодежи — интегрального уровня притязаний, интегрального импульса к собственным жертвам и интегрального ожидания чужой помощи.

В реальной жизни люди обычно принимают решения, ориентируясь не на величины притязаний или ресурсов в отдельности, а на их *соотношения*. Например, в экономике широко применяется показатель резервированной заработной платы, представляющий собой как раз величину денежных притязаний, приходящуюся на единицу рабочего времени (например, на один месяц). Так, если резервированная заработная плата для человека равна 15 тыс. руб. в месяц, то это значит, что данный индивид готов работать в течение месяца не менее, чем за такую сумму. По аналогии можно построить и обратный показатель, характеризующий максимальную величину ресурсов, которую человек готов потратить на единицу притязаний (желаемых достижений). Например, если считать, что в месяце 21 рабочий день, то в приведенном выше примере человек готов за 1 тыс. руб. работать не более 1,4 рабочего дня.

Построим похожий показатель, используя данные о притязаниях респондентов и приемлемых/ожидаемых ими затратах ресурсов¹. Для этого *разделим суммарную величину тех ресурсов,*

¹ Мы вынуждены использовать двойное определение ресурсов — "приемлемые/ожидаемые", поскольку оно относится к ответам на два разных типа вопросов. В отношении собственных жертв респондент говорит, в какой сте-

которые люди готовы или ожидают использовать, на суммарную величину тех благ, которые они при этом хотели бы получить. Получим индекс приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости единицы притязаний, характеризующий тот объем ресурсов, которые человек готов сам потратить на достижение единицы своих притязаний, плюс тот объем затрат, который он ждет от окружающих. Сразу подчеркнем, что, в отличие от приведенного выше примера с заработком и рабочим временем, единицы измерения суммарных показателей, стоящих в числителе и знаменателе индекса, условны и поэтому смысл имеют только его сравнительные значения.

В качестве заготовки для этого индекса был рассчитан суммарный индекс ресурсов, которые человек согласен/ожидает ассигновать на достижение своих притязаний. Он представлял собой сумму индивидуальных оценок респондентов по генеральным факторам готовности к собственным жертвам и ожиданий помощи¹. Межпоколенная динамика этого "подготовительного" индекса приведена на рисунке 14 вместе с динамикой генерального фактора притязаний; оба эти индекса выражены в шестибальной шкале.

Теперь, когда имеются оба компонента искомого индекса приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости, разделим суммарный индекс ресурсов на индекс уровня притязаний, т.е. на индивидуальные значения генерального фактора притязаний; частное от деления этих двух величин как раз и будет описывать тот объем ресурсов, которые молодой человек планирует или ожидает мобилизовать на единицу желаемых достижений (притязаний)².

На рисунке 15 приведены значения индекса приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости единицы притязаний для каждого

пени он "согласен" на них пойти, и тем самым оценивает их приемлемость для себя. В высказываниях же респондента о помощи окружающих ("рассчитываю") оценочный компонент не столь очевиден, и поэтому заключать о приемлемости этой помощи на основе его ответов нельзя.

¹ Индивидуальные оценки по генеральному фактору притязаний, фактору готовности к собственным жертвам и фактору ожиданий чужой помощи были переведены в шестибальные шкалы (размах колебаний был разделен на шесть равных частей). Далее для каждого индивида вычислялась сумма оценок по факторам собственных жертв и ожиданий помощи. Чтобы привести эти суммарные значения к той же шестибальной шкале, в которой выражены оценки притязаний, полученная сумма была *разделена на 2*.

² Процедура вычисления этого индекса следующая: суммарный индекс ресурсов, выраженный в шестибальной шкале, был разделен на шестибальный же факторный индекс уровня притязаний.

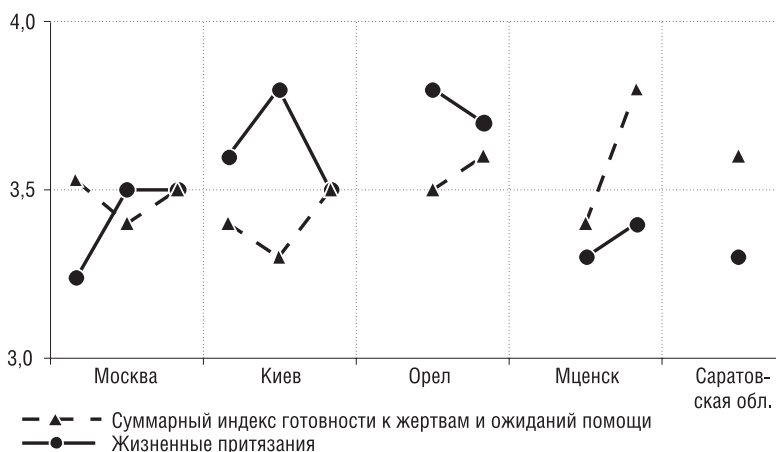

Рис. 14. Шкалированные значения первого фактора притязаний и сумма шкалированных значений первых факторов готовности к собственным жертвам и ожиданий помощи (средние величины по шестибалльным шкалам, 1990–2001 гг.)

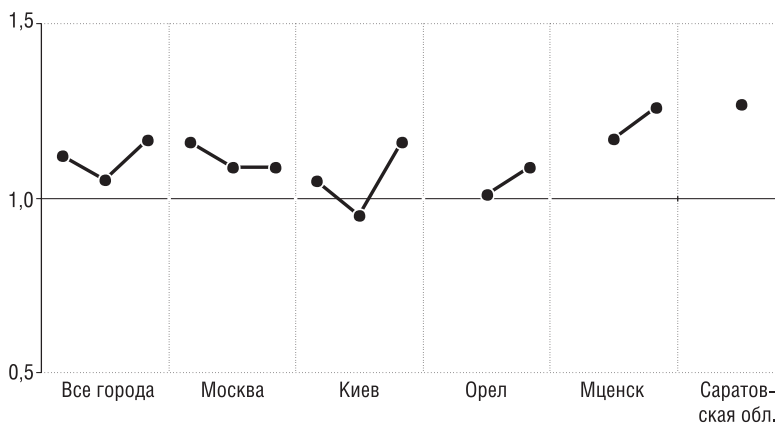

Рис. 15. Средние значения индекса приемлемой/ожидаемой ресурсности единицы притязаний (1990–2001 гг.)

обследованного нами поколения во всех выделенных географических точках.

Как видно из рисунка 15, кривые, характеризующие межпоколенную динамику индекса на протяжении изучаемого нами

периода, в различных городах выглядят в основном похоже, а именно: объем ресурсов, ассигнуемых на единицу достижений в первой половине 1990-х годов снижается, а при переходе от 1995 к 2001 г. возрастает. (Исключение составляет только Москва, где указанного роста не наблюдается.) Подобный характер изменений вызван тем, что в первые годы радикальных социальных трансформаций у молодежи росло ощущение легкости жизненных достижений, а по мере становления нового общественного порядка эта тенденция изменилась и потенциальные жизненные достижения стали представляться более трудными, требующими больших затрат ресурсов (со стороны как самого человека, так и его окружения) на преодоление различных сопротивлений.

Изменения индекса приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости соответствуют анализировавшимся выше изменениям отдельных его компонентов (притязаний, готовности к собственным жертвам, ожиданий помощи). Статистически значимыми отличия между средними значениями индекса в 1990–1992 и 1995 гг. оказались в объединенном массиве Киева и Москвы, а между значениями индекса в 1995 и 2001 гг. — в объединенном массиве четырех городов. Значимые различия есть также и между средними значениями индекса в Киеве в 2001 и 1995 гг.

Кроме того, в пользу валидности предложенного индекса и его эвристичности свидетельствует ряд значимых отличий между его значениями в разных социогеографических точках. С учетом статистической значимости этих отличий можно констатировать, что в 2001 г. *самые высокие* значения индекса приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости были характерны для молодежи Мценска и Саратовской области. Они превышали значения этого индекса в Москве (1995 и 2001 гг.), в Орле (1995 и 2001 гг.) и в Киеве (в 1992 и 1995 гг.). Отсюда можно заключить, что *именно молодежи небольшого районного центра (Мценск) и сельской молодежи желаемые достижения представляются наиболее трудными*, и это вполне согласуется с большим массивом информации о резких социальных различиях жизни в малых городах и сельской местности, с одной стороны, и в крупных городах и мегаполисах — с другой.

Примечательно также, что обе точки с *наиболее низкими* значениями приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости притязаний (Киев и Орел) получены в опросах 1995 г., и это подтверждает

представление о V-образной динамике воспринимаемого соотношения ресурсов и притязаний, нижняя точка которого, соответствующая наименьшей затратности желаемых достижений, приходится на 1995 г.¹

Рассматривая соотношения между интегральными показателями притязаний, мы до сих пор ограничивались анализом *первых* по порядку (генеральных) факторов. В каждый из этих факторов все исходные показатели входили с примерно одинаковыми по знаку весами. Напомним, что сходными оказались также и *вторые* факторы, характеризующие готовность респондентов к собственным жертвам и ожидаемую помощь. Эти факторы имеют более сложную структуру, в каждом из них примерно "на равных" противостоят две группы показателей, причем одна из них в обоих случаях связана с получением образования. Поэтому есть смысл сравнить межпоколенную динамику и этих факторов².

Межпоколенная динамика вторых факторов отображена на рисунке 16. Напомним, что минимальные значения *фактора готовности к собственным жертвам* соответствуют ориентации респондентов на преодоление трудностей обучения и ответственной, побуждающей к самореализации и саморазвитию работы, а максимальные значения — ориентации на жертвы, связанные с невозможными потерями и растратой имеющегося у человека потенциала. Минимальные же значения *фактора ожидаемой помощи* соответствуют ориентации на помощь окружающих в приобретении молодым человеком хорошего образования, хорошей работы и репутации — долговременных и универсальных ресурсов для достижения разнообразных благ. Максимальные значения, наоборот, соответствуют ориентации на помощь окружающих в непосредственном приобретении этих "результатных" благ, а не тех ресурсов, благодаря которым человек впоследствии мог бы приобретать данные блага самостоятельно.

¹ При измерении готовностей респондентов к собственным жертвам и ожиданий ими помощи близость этих показателей к минимальным или максимальным значениям в вопросах не уточнялась. Но измеряемые в наших опросах притязания явно сдвинуты к минимальным значениям: напомним, что речь шла о "достаточных", а не о "максимально возможных" величинах благ. Исходя из этого, можно считать, что рассчитанные индексы тяготеют, наоборот, к *максимально* приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости единицы притязаний.

² Тема образования связана и со вторым фактором притязаний. Но мы не включаем его в этот сопоставительный анализ, поскольку показатель образовательных притязаний входит в указанный фактор не "на равных", а занимает в нем подчиненное положение.

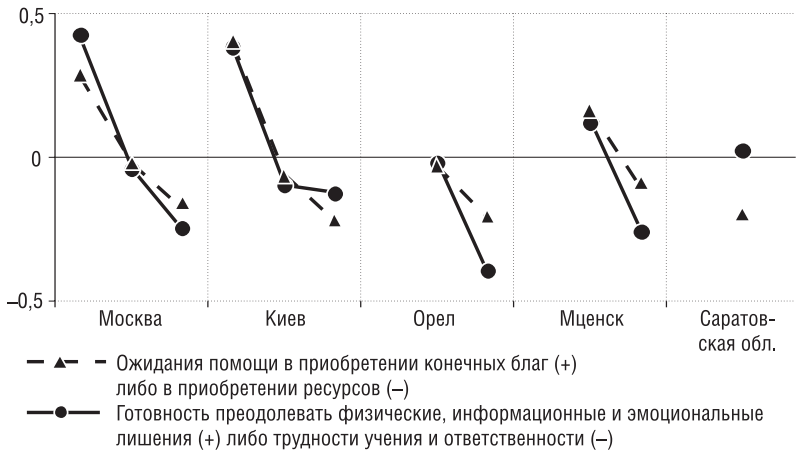

Рис. 16. Готовности к собственным жертвам и ожидания помощи (средние значения вторых факторов, 1990–2001 гг.)

Как видно из графиков, приведенных на рисунке 16, оба рассматриваемых факторных индекса от поколения к поколению устойчиво меняются в одном и том же смысловом направлении: опрошенная нами молодежь от года к году все более склонна направлять и свои, и чужие силы и средства на профессиональное образование и приобретение иных внутренних ресурсов, т.е. на накопление человеческого, экономического и социального капиталов, которые в дальнейшем откроют доступ к разнообразным благам и достижениям¹.

¹ Как отмечалось выше, заметная часть этих изменений статистически значима. Обратим внимание на то, что сдвига в образовательных притязаниях нам обнаружить не удалось. Возможно, это объясняется тем, что они были высоки на протяжении всего периода с 1985 по 2001 г. (напомним, что 86% городских учащихся считали достаточным для себя образование не ниже высшего), и поэтому рост образовательных ориентаций молодежи мог выражаться, главным образом, в усилении ресурсного обеспечения этих притязаний. Кроме того, недостаточно чувствительной могла оказаться и используемая нами шкала уровней образования. Например, в нее не был включен вариант получения двух высших образований, который, как показывают опросы последних нескольких лет, привлекает голоса заметной части молодежи (см.: Левинсон А.Г. Промежуточный отчет по первой волне исследования "Мониторинг эксперимента по изменению структуры и содержания образования в старшей школе". Рукопись. М., 2002; Магун В.С., Энгватов М.В. Жизненные притязания молодежи Самарской области).

ВЫВОДЫ

В статье изложены результаты исследования, предпринятого в России и Украине на протяжении периода, когда шли быстрые социальные изменения в странах бывшего СССР. Исследование осуществлялось в четыре этапа. Первый опрос был проведен в Киеве в 1985 г., второй — в Москве (в конце 1990 — начале 1991 гг.) и Киеве (в 1992 г.), третий — в столицах (Москве и Киеве) и провинциальных российских городах (Орле и Мценске) в 1995 г., четвертый в 2001 г. — в дополнение к четырем упомянутым городам также в сельских районах Саратовской области. Объектами изучения каждый раз были 16-17-летние учащиеся выпускных классов обычных общеобразовательных школ, что позволило сравнить жизненные притязания и стратегии их ресурсного обеспечения (в форме готовностей к собственным жертвам и ожиданий помощи со стороны окружающих) у четырех поколений российской и украинской молодежи.

Межпоколенные сравнения притязаний и стратегий их реализации проводились главным образом на основе интегральных показателей, полученных в ходе трех факторных анализов — факторного анализа притязаний (1), готовностей к собственным жертвам (2) и ожиданий помощи со стороны (3). Рассматривались по два первых, наиболее информативных фактора, характеризующих притязания, готовности к собственным жертвам и ожидаемую помощь.

Структура *первых факторов* в каждой из матриц оказалась сходной: во всех случаях были обнаружены общие (или генеральные, или универсальные) факторы, обозначенные нами, соответственно как общий фактор высоких притязаний в разных сферах жизни, фактор общей готовности к различным жертвам и лишениям, общий фактор ожиданий помощи в решении различных жизненных задач.

Анализ межпоколенной динамики этих первых (генеральных) факторов показал, что с 1990—1992 по 1995 г. продолжились тенденции изменений, характерные для второй половины 1980-х годов: росли притязания и снижалась готовность молодежи к собственным жертвам и усилиям по преодолению трудностей. Но с 1995 по 2001 г. эти тенденции изменились: несколько снизились притязания (или как минимум прекратился их рост) и возросли готовности молодых людей к собственным жертвам и усилиям. В то же время существенно, что возвратные тенденции, характерные для притязаний и готовности к собственным жертвам, не вернули эти показатели к значениям 1985 г., сохранив существенную часть изменений, накопленных с 1985 по 1995 г.

Первоначальный взлет уровня притязаний и снижение готовности людей идти на жертвы ради их воплощения в жизнь интерпретируется в статье как результат революционных изменений, произошедших в конце 1980-х — начале 1990-х годов в социально-культурных, экономических и политических основах жизни бывшего советского общества, и в то же время, как условие, обеспечивающее сам процесс этих изменений. Господствовало настроение социального оптимизма (и даже эйфории) в отношении возможностей нового общественного строя, начавшего утверждаться в этот период в России и Украине. Это настроение формировалось под влиянием описанного в психологии "принципа удовольствия" и вело как к более высокому уровню притязаний, так и к логически дополняющему его представлению о большей легкости их воплощения в жизнь. Цены и затраты, неотделимые от нового уровня жизни, оставались при этом скрытыми.

Стагнация уровня притязаний молодежи и частично даже его снижение, наступившие во второй половине 1990-х годов, и сопровождавший их рост готовности молодых людей идти на жертвы и трудности интерпретируются в статье как следствия изменений, которым подверглись представления людей о возможностях воплощения их притязаний в жизнь. Первоначальный всплеск ожиданий и идея богатства возможностей, открываемых новым общественным строем, постепенно дополнились более трезвым осознанием барьеров и цен, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов. Сформировалось представление о гораздо более медленной, чем казалось ранее, скорости позитивных изменений. Важнейшим из событий, повлиявших на формирование подобных представлений, был финансовый кризис 1998 г., заставивший как элиты, так и массовые слои населения в России и Украине остро осознать упомянутые барьеры и ограничения.

Динамика генерального индекса ожиданий помощи оказалась неодинаковой в разных городах: он снижался или стоял на месте в Москве и повышался, в том числе и статистически значимо, в трех других городах.

В итоге за счет сложения динамики всех трех категорий показателей получилось, что приемлемая/ожидаемая молодыми людьми "ресурсоемкость" единицы притязаний сначала (до 1995 г.) снижалась, а затем (во всех городах, кроме Москвы) начала расти. Это связано с тем, что на первом этапе социальных

трансформаций жизненные достижения представлялись молодым людям все более легкими, а в дальнейшем произошла коррекция этой тенденции и воспринимаемая трудность мира как места для жизни стала расти.

Существенно, что в наших данных выявились статистически значимые различия приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости единицы притязаний между молодыми жителями разных поселений: наиболее трудными желаемые достижения в 2001 г. представлялись молодежи малого города (Мценска) и сельских поселений Саратовской области.

Вторые факторы также оказались сходными для разных групп показателей: во всех трех случаях они биполярны, причем один из полюсов всегда включал показатели, связанные с образованием и квалификацией — *притязания*, касающиеся сложности и творческой работы, *собственные жертвы и усилия*, необходимые для учения и ответственной работы, *ожидания помощи* в образовании.

В итоге *второй фактор притязаний* был обозначен как параметр высоких притязаний в семейной сфере с тенденцией к взаимно-обратным отношениям с притязаниями в сфере труда, *второй фактор готовности к собственным жертвам* — как параметр взаимно-обратных соотношений между двумя стратегиями достижения успеха: стратегией жертвы своими качествами и способностями и стратегией сохранения и приумножения своих способностей (человеческого капитала), и *второй фактор ожиданий помощи* — как параметр взаимно-обратных соотношений между ожиданиями помощи в приобретении конечных благ и помощи в овладении универсальными ресурсами, позволяющими эти блага впоследствии получать.

Десятилетняя динамика этих вторых факторов с 1990–1991 по 2001 г. оказалась однонаправленной, и их изменения свидетельствуют о том, что имеет место межпоколенческий преобразовательный сдвиг. Каждое следующее поколение молодых людей все больше перераспределяет свои и чужие ресурсы в пользу решения задач собственного профессионального образования. Данные тенденции связаны с тем, что постсоветский социально-экономический порядок оказался более меритократичным, и в новых социально-экономических условиях 1990-х годов гораздо в большей степени, чем в условиях советского общества, стала вознаграждаться общая и профессиональная квалификация работника и его продуктивность.